

ОГОНЁК

№ 2 ЯНВАРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Молодежи в Стране Советов открыт широкий путь к знаниям. Пятилетка и высшая школа. Об этом рассказывается сегодня на страницах журнала.

▲ *Людмила Микитченко, студентка Гомельского государственного университета.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

№ 2 (2271)

9 ЯНВАРЯ 1971

Основан 1 апреля 1923 года

Три девушки — Энеджан Халмурадова, Оля Ильясова и Гозель Бекмурадова — будущие врачи: они учатся в Туркменском медицинском институте.

ПЛЮС МИЛЛИ

СЕМЬ ОНОВ

ДИРЕКТИВАМИ XXIII СЪЕЗДА КПСС ПО ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ ПРЕДУСМАТРИВАЛОСЬ ПОДГОТОВИТЬ ЗА 1965—1970 ГОДЫ «ПРИМЕРНО СЕМЬ МИЛЛИОНОВ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ И СРЕДНИМ СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ». КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ПОПРОСИЛ МИНИСТРА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК СССР ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА ЕЛЮТИНА ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ ХОД ВЫПОЛНЕНИЯ ЭТОГО ЗАДАНИЯ ПАРТИИ.

Продолжение — на стр. 4—5.

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Выступление товарища Л. И. БРЕЖНЕВА по телевидению и радио

Дорогие соотечественники!

Дорогие товарищи, друзья!

Идут последние минуты 1970 года. Советский народ провожает его с сознанием исполненного долга, с хорошим настроением. Это был незабываемый год великого ленинского юбилея, завершающий год восьмой пятилетки, год самоотверженного труда и созидания, новых побед и свершений.

Повсюду на советской земле — от Балтики до Тихого океана, от северных морей до Кавказских гор — уходящий год оставил добрый след. Вступили в строй сотни предприятий, проложены новые магистрали, поднялись новые города. Перевыполнены задания по выпуску промышленной продукции. Собран самый высокий урожай зерна и хлопка за всю историю нашей страны. Выдающихся успехов добились советская наука и техника. Первую колею на лунной поверхности проложил советский «Луноход-1».

Замечательные достижения позволяют с гордостью сказать: 1970 год достойно венчает восьмую пятилетку. Созидательная деятельность народа ознаменовалась новой исторической победой: пятилетний план по основным социально-экономическим показателям выполнен успешно.

Взяты новые высоты в развитии экономики. Усилилось оборонное могущество страны. Повысились благосостояние

и культура народа. Получила дальнейшее развитие социалистическая демократия. Упрочилось морально-политическое единство советского общества, братство народов СССР, их сплоченность вокруг ленинской Коммунистической партии. Наша Родина сделала еще один большой шаг по пути к коммунизму.

Как никогда, прочны международные позиции Советского Союза, высок его авторитет во всем мире. Верная ленинским принципам борьбы за мир и социализм советская внешняя политика обеспечила благоприятные условия для мирного, созидательного труда в нашей стране. Она направлена на упрочение и развитие мировой системы социализма, сплочение всех антиимпериалистических сил, на защиту дела свободы, независимости и безопасности народов, дела мира и прогресса во всем мире.

Все наши успехи есть результат вдохновенного труда советских людей, единства воли и действий героического рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех республик нашей великой многонациональной Родины, итог правильной политики Коммунистической партии Советского Союза.

В радостные и торжественные минуты встречи Нового года мы обращаемся к вам, труженики заводов и фабрик, шахт и строек, колхозов и совхозов, деятели науки и культуры.

К вам, советские женщины, снискавшие глубокую признательность и уважение своим большим трудом, материнской заботой о подрастающем поколении.

К вам, юноши и девушки, достойно продолжающие великие революционные традиции, трудовые подвиги отцов.

К вам, доблестные воины Советских Вооруженных Сил, охраняющие мирный труд советских людей, завоевания социализма.

Честь и слава вам, дорогие товарищи, сердечная благодарность за ваш самоотверженный труд, за вашу верность делу партии, делу коммунизма!

С чувством законной гордости за достигнутое, полные оптимизма встречают народы нашей Родины 1971 год. Впереди новые рубежи коммунистического строительства. Страна Советов вступает в девятую пятилетку, идет навстречу XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Мы твердо уверены в том, что советские люди ознаменуют съезд родной партии дальнейшим подъемом всенародного социалистического соревнования, воспримут его решения, как свое кровное дело, приложат все силы, знания, опыт для успешного претворения их в жизнь. В верности ленинским заветам, в руководстве Коммунистической партии — надежная гарантия новых великих побед.

Мы обращаемся в эту минуту с дружескими поздравлениями к народам братских стран социализма. Наш горячий привет коммунистическим и рабочим партиям, рабочему классу, трудящимся крестьянам, прогрессивной интеллигенции капиталистических стран. Мы шлем наилучшие пожелания народам, сбросившим колониальные оковы, всем, кто борется против империализма, за свободу, национальную независимость и социализм.

Дорогие товарищи! Друзья! Сейчас Кремлевские куранты возвестят о наступлении Нового года. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют всех вас и желают вам в наступающем году крепкого здоровья, больших успехов в труде на благо нашей социалистической Родины. Пусть в Новом году радость и счастье сопутствуют каждой советской семье, каждому советскому человеку!

Пусть Новый год будет годом новых побед дела мира и демократии, дела социализма и коммунизма!

Наша новогодняя здравица — в честь великого советского народа, в честь ленинской партии коммунистов и нашей горячо любимой социалистической Родины!

С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства 5 января в Москву прибыли с дружеским визитом Первый секретарь Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии Эдвард Герек и член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Петр Ярошевич.

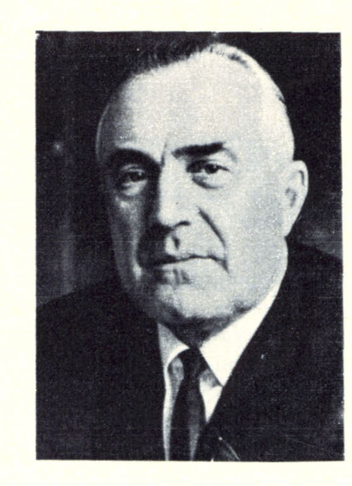
На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами ПНР и СССР, польских руководителей встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, члены ЦК КПСС, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков и М. А. Лесечко, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС К. В. Русаков.

Среди встречавших находился посол ПНР в Советском Союзе Я. Птасиньский.

Фото А. Устинова.

ИНТЕРВЬЮ
«ОГОНЬКА»

ПЛЮС СЕМЬ МИЛЛИОНОВ

Член-корреспондент Академии наук СССР В. П. ЕЛЮТИН, министр высшего и среднего специального образования СССР

История советской высшей школы, начиная с первых ленинских декретов, проникнута огромной, я бы сказал, отеческой заботой партии и правительства о подготовке специалистов, овладевающих высотами науки и техники. Она охватывает все стороны жизни наших вузов, вплоть до решения материально-практических проблем. Достаточно вспомнить принятое в ноябре 1967 года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров. С тех пор прошло всего три года. Срок недостаточный для того, чтобы воспитать ученого, но уже и сейчас ряды преподавателей ощутимо пополнились талантливыми людьми, значительно больше стало аспирантов, все чаще защищают диссертации работники производства. А надо ли говорить, какую огромную роль имеет открытие подготовительных отделений для рабочей и сельской молодежи и меры, предпринятые по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов! Наконец, открытие новых учебных заведений. И вот результат:

контрольная цифра, намеченная Директивами XXIII съезда партии, выполнена. Вузы и техникумы подготовили за последнее, только что завершенное, пятилетие 7 миллионов 80 тысяч специалистов — на две трети больше, чем за предыдущую пятилетку. Такого размаха высшее и среднее специальное образование в нашей стране еще не достигало. И вот еще цифры: в 1965 году было 756 вузов, в 1970 году стало 805. Техникумов было 3 820, стало 4 220. Одних университетов прибавилось 9.

Корреспондент. Это значит, что только сам прирост превысил общее число высших учебных заведений в такой капиталистической стране, как Канада. В Канаде всего 48 вузов. Или, если брать университеты, то прирост соответствует половине университетов ФРГ, где, как известно, всего 18 университетов. Что лежит в основе таких наших темпов?

Министр. Бурное развитие культуры советских народов, научно-техническая революция, охватившая все области жизни советского общества. Обратите внимание, что четыре из девяти новых университетов размещены в Белорусской ССР, Калмыцкой, Чувашской, Северо-Осетинской АССР. Университет в Элисте станет центром культуры Калмыцкой автономной республики, обеспечит подготовку высококвалифицированных национальных кадров. Преподавание ведется здесь на двух языках: на русском и калмыцком. Учитывается при этом и специфика самой республики. В университете четыре факультета: филологический, физико-математический, сельскохозяйственный и биологический. Однако в связи с тем, что сельскому хозяйству Калмыкии не хватает работников с высшим образованием, обком партии поставил вопрос и об их подготовке. Мы учли это пожелание обкома партии. Университет будет выпускать специалистов по агрономии, зоотехнике, экономике и организации сельского хозяйства.

Корреспондент. Какими обстоятельствами обусловлена география, размещение новых вузов?

Министр. Вот, например, Белоруссия — большая союзная республика, с сильно развитой индустрией. Гомель — центр белорусского Полесья, некогда края болотной глухомани с крайне низким уровнем экономики, культуры, образования. Сейчас Гомель — второй по величине город в республике с современным машино- и приборостроением и химией. В Гомельской области в советское время разведаны запасы нефти, калийных солей, сланцев, на осушенных землях весьма перспективно развитие сельского хозяйства. Двух вузов, которые были здесь — педагогического и железнодорожного транспорта,— оказалось явно недостаточно. Поэтому правительство сочло нужным открыть тут на базе педагогического института университет широкого профиля. Здесь есть в отличие от других молодых университетов и геологический и экономический факультеты.

Корреспондент. Произошли ли за эти годы качественные сдвиги в подготовке специалистов?

Министр. Главное внимание в работе высших учебных заведений за период после XXIII съезда партии уделялось основному вопросу: повышению качества подготовки специалистов. В связи с этим только за 1966—1967 годы было пересмотрено свыше 360 учебных планов и более 1 100 программ, которые существенно изменены с учетом новейших достижений науки и техники и приведены в соответствие с требованиями сегодняшнего дня. В разработке учебных планов и программ непосредственное участие принимали профессорско-преподавательский состав вузов, научно-методические советы и методические комиссии министерства. Для научного определения содержания новых учебных планов был проведен ряд совещаний с участием представителей научной общественности, заинтересованных министерств и ведомств. Пересмотрены программы по физике, математике, химии и т. д. Особое внимание было уделено изучению экономических дисциплин. Только в 1966 году по экономическим дисциплинам пересмотрено около 100 программ (усилена подготовка студентов по высшей математике, статистике, конкретной экономике). Введены новые курсы: математическое программирование, вычислительные машины, механизация обработки информации, нормирование труда, экономико-математические методы планирования и управления производством, научная организация труда и другие.

Важно отметить, что многие наши инженерные специальности и целые инженерные вузы дают теперь своим выпускникам — будущим инженерам физико-математическую подготовку в объеме, приближающемся к физико-математическим факультетам университетов. Это очень важно для будущей работы выпускников в эпоху научно-технической революции. Следует отметить и другие качественные изменения. Я имею в виду, в частности, введение новых специальностей, открытие новых вузов. Например, в городе Шахты, Ростовской области, открыт технологический институт по подготовке инженеров для службы быта. В Белгороде — технологический институт строительных материалов. На философских факультетах Московского, Ленинградского, Казанского и Уральского университетов введена новая специальность — научный коммунизм. Чрезвычайно широкой была специализация естественных факультетов, однако и она ныне не удовлетворяет запросы. Как уже сообщалось, сравнительно недавно были открыты новые факультеты прикладной математики. В прошлом году их пришлось расширить. Теперь они готовят работников по математическому обеспечению не только электронно-вычислительных машин, но и автоматизированных систем управления такого типа, как управление полетами, допустим, на Луну и т. д. В ряде технических вузов введены такие специальности, как автоматизированные системы, средства передачи и приема информации, автоматизация производства и распределение электроэнергии, конструирование и производство электронно-вычислительной аппаратуры и многие другие.

К числу недавно открытых, как принято сейчас говорить, специальностей относятся экономическая кибернетика в сельском хозяйстве, разведка полезных ископаемых морского дна, документоведение и организация управленческого труда... Словом, сама жизнь диктует нам новые задачи. А государство, предоставляя прекрасно оборудованные корпуса и лаборатории, увеличивая с каждым годом прием в вузы, обеспечение стипендиями, открывая новые общежития, делает все во имя того, чтобы высшая школа смогла эти задачи выполнить.

Произошли изменения и в подготовке специалистов без отрыва от производства. Так, из заочной и вечерней систем образования исключена подготовка по специальностям, требующим большого объема теоретических и лабораторных занятий.

За пять лет, прошедших после XXIII съезда КПСС, советская высшая школа сделала немало, но еще больше предстоит ей сделать. Сейчас перед нашим обществом стоят задачи такого размаха и такой сложности, каких нам до сих пор, пожалуй, еще не приходилось решать в ходе и хозяйственного и культурного строительства. Молодое поколение наследует от своих предшественников колоссально усложнившийся производственный, научно-технический и общественный организм. Чтобы двигать его вперед и развивать дальше, требуются глубокие научные знания, постоянное совершенствование мастерства всех трудящихся, каждого студента. Поэтому сама жизнь определяет все растущий размах высшего образования в стране строящегося коммунизма.

ЧИСЛО ВЫСШИХ И СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ

1964/65	4 576
1969/70	5 025

СОПОСТАВЬТЕ ЭТИ ФАКТЫ

СССР:

3,3 МИЛЛИАРДА — ВУЗАМ И ТЕХНИКУМАМ

По Государственному бюджету СССР на 1971 год, утвержденному сессией Верховного Совета СССР, на содержание высших и средних специальных учебных заведений выделяется 3,3 миллиарда рублей, или на 4,3 процента больше, чем в предыдущем году. На подготовку каждого специалиста с высшим образованием в нашей стране расходуется государством в среднем около пяти тысяч рублей.

В нынешнем году высшие и средние учебные заведения СССР подготовят 1,7 миллиона специалистов, в том числе около 660 тысяч — с высшим образованием.

США:

СРЕДСТВ НА ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ХВАТАЕТ

Беспрецедентный финансовый кризис переживают высшие учебные заведения США, сообщает корреспондент ТАСС из Нью-Йорка. В докладе комиссии Карнеги, изучавшей положение в системе высшего образования страны, указывается, что из-за нехватки средств учебные заведения, в которых учатся 77 процентов студентов Америки, стоят на грани сокращения важных образовательных программ. Среди учебных заведений, вынужденных затягивать пояса и пересматривать свои программы, в докладе комиссии называются такие солидные университеты, как Гарвардский, Стамфордский и Мичиганский. В качестве главной причины финансового кризиса в системе высшего образования комиссия называет продолжающуюся инфляцию и вызванный ею рост расходов.

УНИВЕРСИТЕТ ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН

А. ЩЕРБАКОВ

Анкетные данные

«Следующая остановка — университет». Водитель троллейбуса произносит эти слова таким же обыденным тоном, как и привычное: «Вокзал», «Телевизионный центр»... Удивительно, с какой неоспоримой логичностью, насколько быстро и прочно входит в нашу жизнь новое. Подумать только: Гомель уже привык к своему университету. А ведь открылся он совсем недавно — в 1969-м.

Сегодня мы познакомим вас с гомельским новоселом. И начнем, как принято, с анкетных данных.

У второго университета Белоруссии семь факультетов: механико-математический, физический, геологический, биолого-почвенный, экономический, историко-филологический и физического воспитания. Студентов здесь пять с лишним тысяч. В университете преподают пятнадцать докторов и более ста кандидатов наук.

Моменты из биографии

У Дмитрия Николаевича Гаркунова в Москве была интересная работа. Однако он, доктор наук, автор серьезных трудов, предпочел перебраться в Гомель, в университет, где перед ним открывалось широкое поле деятельности. Приехал, чтобы осуществить давнюю свою мечту: создать первую в Советском Союзе кафедру по изучению физики, химии и механики трения.

Надобность в такой кафедре очень велика. От преждевременного износа сгорают тысячи и тысячи машин, и десятки тысяч рабочих на десятках тысяч станков не успевают готовить детали для замены. Короче говоря, проблема износоустойчивости машин — ныне одна из важнейших технических проблем. Очень заманчивая идея — найти реальные возможности продлить жизнь машин. И где же как не в новом университете работать над этой проблемой. Дмитрий Николаевич создал семинар «Физико-химическая механика процессов трения», где занимаются и студенты и преподаватели. Быстро установилась связь с институтом твердых сплавов, с зарубежными научными центрами. Были заключены договоры с конструкторами: будущей лаборатории нужно уникальное оборудование. Вносятся коррективы в программу обучения студентов. Кафедра хочет готовить современных специалистов для центральных заводских лабораторий, конструкторских бюро, научно-исследовательских институтов...

И тут пора открыть небольшой секрет. Почему Гаркунов выбрал именно Гомель? Отнюдь не случайно. Он знал, что в университете, который возглавляет Владимир Алексеевич Белый, ищущему будет предоставлен полный простор для творчества. В этом смысле репутацию Белого блестяще подтвердил Институт механики металло-полимерных систем Академии наук Белорусской ССР.

Возник этот институт из лаборатории, созданной Белым десять лет назад при Белорусском институте инженеров железнодорожного транспорта. Бурное вторжение полимеров в индустрию открыло большие перспективы для поисков. Белый со своими учениками изучал возможность использовать полимеры в качестве материала для деталей машин, для покрытия металлов. Ныне у института — десятки патентов и авторских свидетельств на изобретения.

Став ректором нового университета, член-корреспондент Академии наук Белорусской ССР Владимир Алексеевич Белый остался душой своего детища. Ректор как бы открыл институт заново. Теперь уже для студентов университета. В лабораториях, конструкторских бюро, мастерских студенты приобщаются к науке. Таков стиль Гомельского университета.

Жизнь нового вуза может складываться по-разному. Можно значиться молодым по документам, но все время оглядываться назад, добросовестно пережевывать старые программы. А можно иначе. Так, чтобы питомцы уже сегодня, сейчас сами участвовали в производстве, в исследованиях. Можно воспевать на лекциях атмосферу поиска, а можно самим каждодневно заниматься этими поисками. Можно на словах преклоняться перед теми, кто переделывал и переделывает мир, а можно самому показать пример... В Гомельском университете предпочитают показывать, звать, вести. Это стиль.

Продолжение на стр. 18—19.

«...В некотором царстве, в некотором государстве жил царь со своею царицей, и было у них три прекрасных сына, старшего звали Василий-царевич, среднего Федор-царевич, а меньшого...» Как звали меньшого, я уже не слышала, потому что заснула. Это я всегда в каникулы так набегаюсь, что засыпаю, не дослушав сказку. Ну, да не беда, я ведь эту сказку наизусть знаю, бабушка мне ее всегда рассказывает — слово в слово. Теперь, правда, редко — ведь и приезжать я к ней стала реже, на каникулы только. У нас же во втором классе, знаете, сколько задают! Бабушкина деревня Гривно хоть и не так уж от Москвы далеко, а как начала я в школу ходить, вроде бы дальше стала.

Меня зовут Лена, а бабушку Анна Прокофьевна, но это для соседей, а я ее зову просто баба Нюра. Мне пришлось очень стараться целых две четверти, иначе в деревню меня бы не пустили — мама так и сказала: «Будут хорошие отметки — поедешь». Мы с папой — он у меня бульдозерист — набили целый рюкзак подарками и отправились на вокзал. Подарки напасли для всех — и для дяди Жени, и для тети Раи, и для Вовки.

Народу на вокзале было тьма, и почти все с ребятами, тоже, наверное, в деревню на каникулы ехали,— молодцы, что не остались в Москве, в деревне интересней. И снег там чистый, и печки дровами топят, а в тех печках пирожки с вареньем получаются вкуснее городских.

И еще я очень люблю гулять по морозу в бабушкином пуховом платке. Он хоть и колючий немножко, но теплый-теплый и пахнет печкой. И вообще мне в деревне очень нравится, и друзей тут у меня много, а главное, очень люблю я у бабушки гостить,— знаете, какая она у меня добрая!

Рассказ Лены Александровой записала В. МОРОЗОВА.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

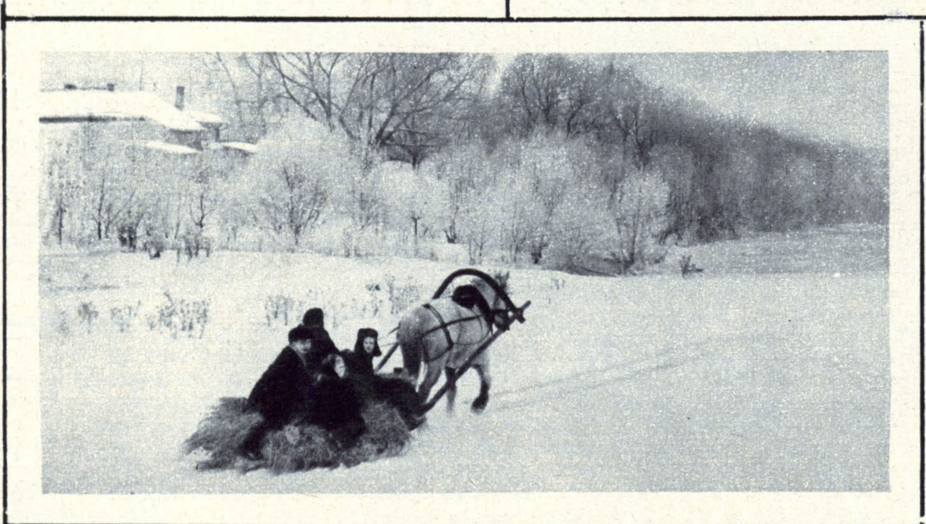

НА КАНИКУЛЫ К БАБУШКЕ

В. Антонов. ПАННО «ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!».

Эльвира ПОПОВА

ФЕДОСКИНО

Неподалеку от Москвы стоит на невысоком холме древнее село. Какое оно! Взгляните только на расписную крышку шкатулки «Праздник русской зимы», и вы словно бы увидите его сами. Побываете там — в Федоскине! Так правдиво, подробно и влюбленно запечатлел художник-миниатюрист Михаил Степанович Чижов каждую деталь родного, обжитого пейзажа, шумное катание со снежных гор, веселую и уютную перспективу праздничной сельской улицы. А надо всей многосложной и нарядной композицией, как ее завершение и кульминацию, написал мастер двухэтажное кирпичное здание.

Это Федоскинская профтехшкола. Здесь берегутся драгоценные традиции, давно принесшие селу всемирную славу. Здесь копится и множится мастерство его замечательных живописцев, опиловщиков, лакировщиков. Словом, здесь живет доброе и красочное искусство прославленной федоскинской лаковой миниатюры. Русской, народной.

В только что ушедшем году художественная артель отмечала 60-летний юбилей. В нынешнем, наступившем, исполнится 175 лет с той поры, как стало Федоскино родиной русских художественных лаков.

В 1796 году основана была здесь фабрика, выпускавшая поначалу лаковые козырьки и кивера из папье-маше. А когда армейская форма изменилась и надобность в этом товаре уменьшилась, владелец фабрики московский купец Петр Иванов сын Коробов не растерялся. Вспомнил о не раз виденных расписных табакерках немецкой работы и прикинул: «Чай, и мы не лыком шиты!» А вскоре стали приключаться с наезжавшими в Европу русскими дворянами конфузы: купит барин в Париже, в Пале-Рояле, изящнейшую вещицу, а дома, хвалясь перед знакомыми, вдруг обнаружит внутри нее русский герб. Под гербом означена фамилия продолжателя коробовского дела владельца той отечественной мануфактуры, где изготовили драгоценный товар,— «П. Лукутинъ».

Не было с тех пор всемирной выставки, где не демонстрировала бы Россия лукутинские шкатулки, сигарницы, табакерки, чайницы, баулы, погребцы, игольники, броши... Слава все росла. Годы спустя Стасов будет восторгаться редкостным мастерством лукутинцев — крестьянских художников, прочностью материала, красивостью красок, «ярко пылающих, как огонь, блестящих, как райские птички»! Давно перестали русские мастера подражать немецким образцам. Родных сюжетов хватало с избытком: «Отдых в сенокос», «Лапти плетут», «Украинка с коромыслом», «Чаепитие»... Любили лукутинцы изображать и исторические события, особенно войны 1812 года. Писали портреты полководцев: Петра Великого, Суворова, Кутузова, атамана Платова... А какие чудо-миниатюры посвящали они Москве! Сколько раз под их виртуозной кистью возникал, красуясь куполами и башнями, Кремль. А вот Сухаревская площадь: высится знаменитая башня — творение замечательных русских зодчих, белеет изогнутое крыло Шереметевского Странноприимного дома (ныне Институт Склифосовского), несутся по мостовой пролетки, проходят люди, скопились телеги водовозов около чаши водоразборного фонтана. И все изображено так живо, точно, что на крышечке табакерки (всего 14 × 18,5 см) встает перед нами, словно живая, далекая эпоха. Делали часто лукутинцы и копии, вернее, вольные пересказы с картин известных художников. Особо часто писали тройки с рисунков и литографий А. Орловского, переиначивая композиции на народный вкус, прилаживая к облику, форме расписываемой вещи и, что главное, добавляя той русской удали, что увиделась в «птице-тройке» еще Гоголю. И любо-дорого глядеть на эти «зимние» и «летние», лихие «с обгоном» и «трагические», развеселые и тревожные тройки!

Поныне удалая летящая тройка — любимица федоскинских живописцев Г. К. Точенова, В. В. Лаврова, Г. И. Ларишева... С гордостью числит себя «троечником» и заслуженный художник РСФСР М. С. Чижов, бережно хранящий старые традиции. Талантливых, удостоенных почетных званий творцов-художников в Федоскине много. И все разные!

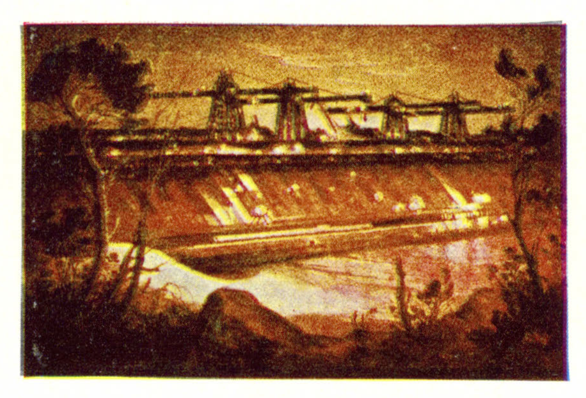
Виктор Дмитриевич Липицкий — художник разносторонний. Новатор. Это он привил федоскинской миниатюре сюжеты из русских сказок. ...Ивана Ивановича Страхова называют певцом русской природы. Сюжеты и образы его чисто страховских серо-серебристых по колориту пейзажных миниатюр высмотрены в жизни, одухотворены личным поэтическим переживанием родной красоты. Поглядите, с каким лиризмом, как светло написал он ленинский «Шалаш в Разливе»! Сергей Петрович Рогатов — большой любитель жанровых сцен. Но часто и охотно пишутся у него и пейзажи, особенно если можно изобразить на черно-лаковом фоне глухаря, зубра или лося... Сказывается натура страстного охотника. Михаил Григорьевич Пашинин, великан с курчавой головой, неугомонный искатель, говорит, решительными жестами как бы подчеркивая значимость своих слов:

— Я считаю так: художник — он и драматург, и режиссер, и актер-исполнитель в одном лице. Думаете, это легко! Надо не просто писать или не просто копировать картину, а оформлять вещь. И дело это тонкое, деликатное. Картина на полотне и картина в миниатюре, на коробочке из папье-маше... Вроде бы разница невелика. Но забыть о ней— утратить традиции, погубить живую красоту нашего искусства. Так что для нас проблема традиции — жизненный вопрос.

В творчестве и поисках лучших живы сегодня эти давние, замечательные федоскинские традиции. Ни разу не обрывалась их почти двухвековая живая нить! Ведь это по инициативе самих художников-кустарей, на их скромные средства благодаря еще и хлопотам учительницы Л. Д. Державиной, при поддержке земства была создана в 1910 году Федоскинская артель, когда алчные и невежественные наследники Лукутиных продали фабрику. ...После Октября, в 1923 году, М. И. Калинин подписал «Диплом признательности», врученный федоскинцам за сохранение промысла, за то, что сберегли мастера все завещанные дедами техники письма — «по-плотному», «по-сквозному». Роспись под шотландку (клетчатую ткань), под черепаху, слоновую кость, красное дерево. Письмо по вплавленному в лак перламутру или подложенному снизу листочку золота. Потому и искрятся, радужно переливаются снежные сугробы и опушенные инеем ветви в лесу, где остановилась Снегурочка Липицкого. Потому так сияет, будто и впрямь горит, чижовская «Лампочка Ильича»! Работают федоскинцы цировкой — процарапывая в черном лаке на металлическом фоне тончайший узор; сканью— инкрустируя вещь чеканными пластиночками драгоценных металлов. Но питаемое старыми истоками искусство их отнюдь не застывшее, не во вчерашний день глядящее. Оно живое. Каждым днем обновляющейся, бурлящей жизни.

...Вдруг словно озарили «Тройку» мастера Г. Ларишева алые всполохи революционных лет. То пропадая, то возникая за перекатами холмов, едут красные конники под алым стягом «По долинам и по взгорьям» в словно бы нескончаемой перспективе миниатюрной композиции М. Чижова. Четко и просто вкомпоновался в крошечное пространство миниатюры И. Страхова сияющий огнями «Дивногорск»...

Ильич... С любовью и вдохновением, снова и снова воплощают дорогой образ на драгоценном лаковом фоне художники советского Федоскина, создавая в нашем изобразительном искусстве свою яркую, выразительную, своеобычную и незабываемую федоскинскую «Лениниану».

И. Страхов. ДИВНОГОРСК. ГЭС СТРОИТСЯ.

А. Толстов. ЛЕНИН И ДЕТИ.

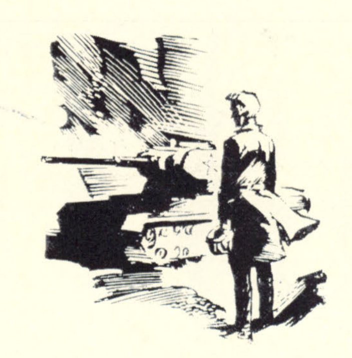
М. Чижов. ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА.

М. Чижов. ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ..

Г. Скрипунов. БАРРИКАДА.

ПРОЩАНИЕ С ТАНКОМ

РАССКАЗ — Хизмет **АБДУЛЛИН**

Горы издали казались красивыми, привычно живописными, как на цветной открытке. А теперь, когда мы, пехота, по ним взбирались, они были голыми и скучными. Пугали своей крутизной.

Мы шли за танками.

С надсадным, тяжким ревом поднимались они выше и выше. Здесь, в этих горах, за грудами камней, на узких тропках, засели (и мы это знали) квантунские смертники — прикованные к своим пулеметам японцы, того гляди напорешься...

Они ждали. А мы шли. Ничто не могло задержать наступающую колонну.

И вдруг колонна остановилась. Грохот прекратился, казалось, весь горизонт и горы статично застыли, как кинокадр, когда заест кинолента. Сам воздух беззвучно повис над нами. Комбат бросился к рации, поговорил в трубку, затем вызвал к себе нашего ротного. Получив указания, ротный повел нас в обход танковой колонны. Танки так и стояли на самом краю обрыва, словно арбузы на полке. С трудом пробирались мы по склону, цепляясь за камни и корни; головы — на уровне танковых траков.

Около головной машины я увидел толпу танкистов. Ребята в своих замасленных комбинезонах были озабочены, а водитель вконец расстроен. Он исчезал в люке, стучал там, появлялся опять с инструментами в руках, даже пытался пролезть под корпус танка, но командир хмуро его остановил. Командир медлил, раздумывал. Потом глянул на свои часы и сказал быстро:

— А ну давайте! Ничего не поделаешь...

Все понимали, что танку конец. Чинить-то некогда. Его спихнут под откос, чтобы не задерживать колонну: дорога каждая минута.

И мы толкали к обрыву это здоровое, литое тело мощной машины, горячее еще от работы мотора, толкали с каким-то мрачным и яростным ожесточением.

— А мешок, стойте!..— всполошился водитель. Впрыгнул в люк еще раз, и его долго не было, и люди — а уже танкистам помогала и наша пехота — перестали толкать машину, и все притихли. Затем показался шлем танкиста, и он сам начал медленно вылезать, волоча порыжевший полупустой свой вещмешок. Он захлопнул тяжелую крышку люка, и ее удар о броню прозвучал слишком громко...

На левом борту танка под вмятиной от снаряда, я заметил, нацарапано было: «Даешь Хинган!» Водитель, слезая, провел ладонью по вмятине, коснулся этого шрама на танковом боку и отошел в сторону.

— Ну, взяли! — сказал наконец командир.— Осторожней, ребята, смотрите, чтоб не зацепило...

И танк пошел вниз. Он сначала на лету громоздко перевернулся, медленно так, а потом... почему-то вдруг дернулся и взвился, как ошпаренное живое существо. Он сделал сальто и, оставив облако пыли, грохнулся в бездну.

Все поглядели на водителя. Поглядел и я. Это был пожилой человек, рыжеватый, невысокий. Под расстегнутым комбинезоном поблескивали медали на гимнастерке. Утер он потное свое лицо ладонью, оставив на щеке мазутную полосу, и глубоко вздохнул.

Все опять пришло в движение. Взревели моторы, поднялась пылища, танки трудно поползли вверх, заколыхалась линия горизонта, мы опять оказались позади танковой колонны. Ничего, собственно, и не случилось. Небольшая заминка, только и всего... Мы лишились танка, но это не так уж важно, на то и война. А тем более, когда так жарко и тяжко, особенно нам, пехоте, а тут еще за каждым камнем, может быть, затаился квантунский самурай...

И мы пошли. И вскоре все это я забыл.

В ту осень мы дошли до Жэхэ, главного города Внутренней Монголии, выбивая оттуда последние дивизии Квантунской армии.

Встретил я тогда и танкиста, того самого рыжеватого сержанта, водителя погибшего танка. Иваном Тимофеевичем Парамоновым его звали, родом он был из казаков забайкальских, из «семейских», как он сказал о себе; он часто сидел с нами, но все больше молчал, всегда погруженный в свои думы, и занимался разным мелким солдатским рукоделием, без которого солдату нельзя. Водки, или, как там ее называли, ханжи, не пил, держался тихо, скромно, даже незаметно как-то. И все же, видел я, к Ивану Тимофеевичу всегда обращаются за советом те, кто помоложе, и с уважением офицеры к нему относятся. А когда, бывало, соберемся в неурочный час чего-нибудь пожевать, каждый старается угостить дядю Ивана из своего личного запаса или попросту из солдатской заначки, предлагая сыру, сала либо каких-нибудь необыкновенных овощей... Ел дядя Иван тоже по-своему, ел он особенно: аккуратно и внимательно. Мы-то набрасывались на всякую еду лихо, уничтожая подчистую все, что на столе. А Иван Тимофеевич прежде всего симметрично расставлял перед собою миску, ложку, кружку эмалированную для чая, нарезал хлеб ломтиками, ставил соль или сахар. Ложку брал в руку не спеша, ел тихо и вроде бы нехотя, словно у него и аппетита нет. Однако съедал он много, больше, во всяком случае, чем те, кто торопливо набрасывался на пищу. И я понял, что Иван Тимофеевич относится к еде серьезно, с уважением.

Мирная жизнь налаживалась в освобожденном городе. Такие слова, как «хлебопекарня», «баня», «парикмахерская», уже звучали привычно. Однажды я патрулировал по городу и встретил Ивана Тимофеевича, выходящего из парикмахерской. Он посмеивался, блаженно улыбался, все его широкое лицо даже как-то светилось, я очень удивился такому необычному для него состоянию.

— Что, дядя Иван, видно, здорово тут бреют?

— Ну! Они брить, брат, мастера,— ответил сержант, заулыбавшись еще пуще.— Ведь кто: мальчишка, пацан. А такой чертенок, лезвием и в нос норовит и в ухо залез. Ни пушинки не оставил.

Мы пошли по кривой, ухабистой улочке. Пахло пригоревшим растительным маслом, а иногда и разной падалью попахивало: война еще не кончилась... Но для меня ее уже не было, мне казалось, что все уже сделано, пора и домой.

— Танк свой забыть не могу,—сказал он без всякой видимой связи.— Может, сцепление тогда отказало, как считаешь? Вот до сих пор думаю, веришь аль нет. Причину ищу...

Я молчал, удивленный этим признанием.

— Да... Так ты говоришь, все сделано? Домой пора. И танки, мол, не нужны?.. Ну и котелок у тебя, брат...

— А что? Мы же победили!

— А по-твоему, квантун сдался, и на этом точка? Как бы не так. Закрепить еще надо... А то зачем и воевать было.

Только через полтора месяца стали мы собираться домой.

Нет ничего хуже погоды поздней осени. Дождь вперемежку со снегом, туман с моря.

...Первый привал мы сделали как раз в той деревне, которую брали полтора месяца назад в штыковой атаке. Встретили нас тогда живой преградой: стеной из людей, выставили впереди себя жителей деревни. А какие там жители: старики и дети! Вот и наступай без единого выстрела. Молча шли за безмолвными танками, только штыки нацелены. Противник отстреливался отчаянно, погибли четверо солдат из нашей роты и офицер.

И сейчас, въехав в деревню, мы остановили машины у наших могил. Крестьяне за это время соорудили здесь крохотные святилища, наподобие кумирен буддийских. Горели, как в кумирнях, и здесь свечи. Множество маленьких свечей! Был я глубоко взволнован, честное слово! Да и все ребята, мне кажется, тоже были взволнованны, когда мы — без шапок — стояли перед потрескивающими огоньками, стояли перед вздрагивающими, как крылышки, огоньками этих свечек.

Потом я увидел сержанта Ивана Тимофеевича. Сгорбившись, он сидел в кабине автомашины и мрачно, сосредоточенно курил. Старина занемог, подумал я, а может, друга вспоминает погибшего... Но дело было не в этом.

Весь день мы ехали. Поздно, при звездах, колонна остановилась на ночь у подножия Большого Хингана. Иван Тимофеевич как только вылез из машины, так сразу и пропал в темноте. Ужинать, а его нет. Напрасно дважды подогревали мы на костре его котелок с концентратом. Спать располагаемся, нет его.

Всю ночь его не было. Это нас удивило. Но, как будто условившись, мы не обсуждали почему-то его отсутствие, молчали. Странно, что и сам комбат, подойдя к нам и узнав об исчезновении сержанта Парамонова, постоял, подумал и ничего не сказал.

Наутро, когда мы проехали километра тричетыре, глазам открылось каменистое ложе Большого ущелья... Вот это красота, словами не выскажешь!..

Да, здесь мы когда-то бывали. Здесь пехота брела за танками, косясь на соседние глыбы (не таится ли квантунский пулеметчик?). Только это было повыше чуть: вон на той зубчатой грани верхов, обведенных синею полоскою рассвета, как будто легким пламенем вспыхивающего спирта. Я уже тогда писал стихи и привык все представлять себе образно, сравнивать. Но суть не в этом: в самом деле, было очень неожиданно красиво ущелье это в ранний, свежий час, так что я и забыл обо всех трудностях и о пропавшем сержанте.

Знакомые горы, перевал!.. Но низом, по руслу Черной речки, мы двигались впервые. Лишь далеко-далеко, в косом свете восходящего солнца виднелись медные стволы сосен, а тут, под нами, по дну, клокотал вовсю поток реки... И тут последовала команда: с машин!..

Вот оно что: танк!

Танк Ивана Тимофеевича стоял, да, стоял, на груде валунов, омываемых кипящим потоком. Он был искорежен, весь во вмятинах, но стоял на своих перекошенных гусеницах, как надо, как раненый часовой продолжает стоять на посту.

Тут же, около танка, и Иван Тимофеевич стоял, строго стоял, как в почетном карауле.

И я почувствовал в горле подступившие слезы. И все мы сняли шапки, и молча постояли немного, как и сержант Иван Тимофеевич Парамонов, рядом с останками танка его.

Так танкист прощался со своей верной машиной. Я никогда не забуду этого.

Перевел с уйгурского
Александр КОРЕНЕВ.

РУНО СНЕЖНЫХ

Для пятиклассника Зарылбека Садыбакунова самое большое удовольствие — помогать старшим водить отару.

ГОР

Б. СМИРНОВ
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«КИРГИЗСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА...

Обеспечить дальнейшее развитие тонкорунного и полутонкорунного овцеводства»,— так сказано в Директивах.

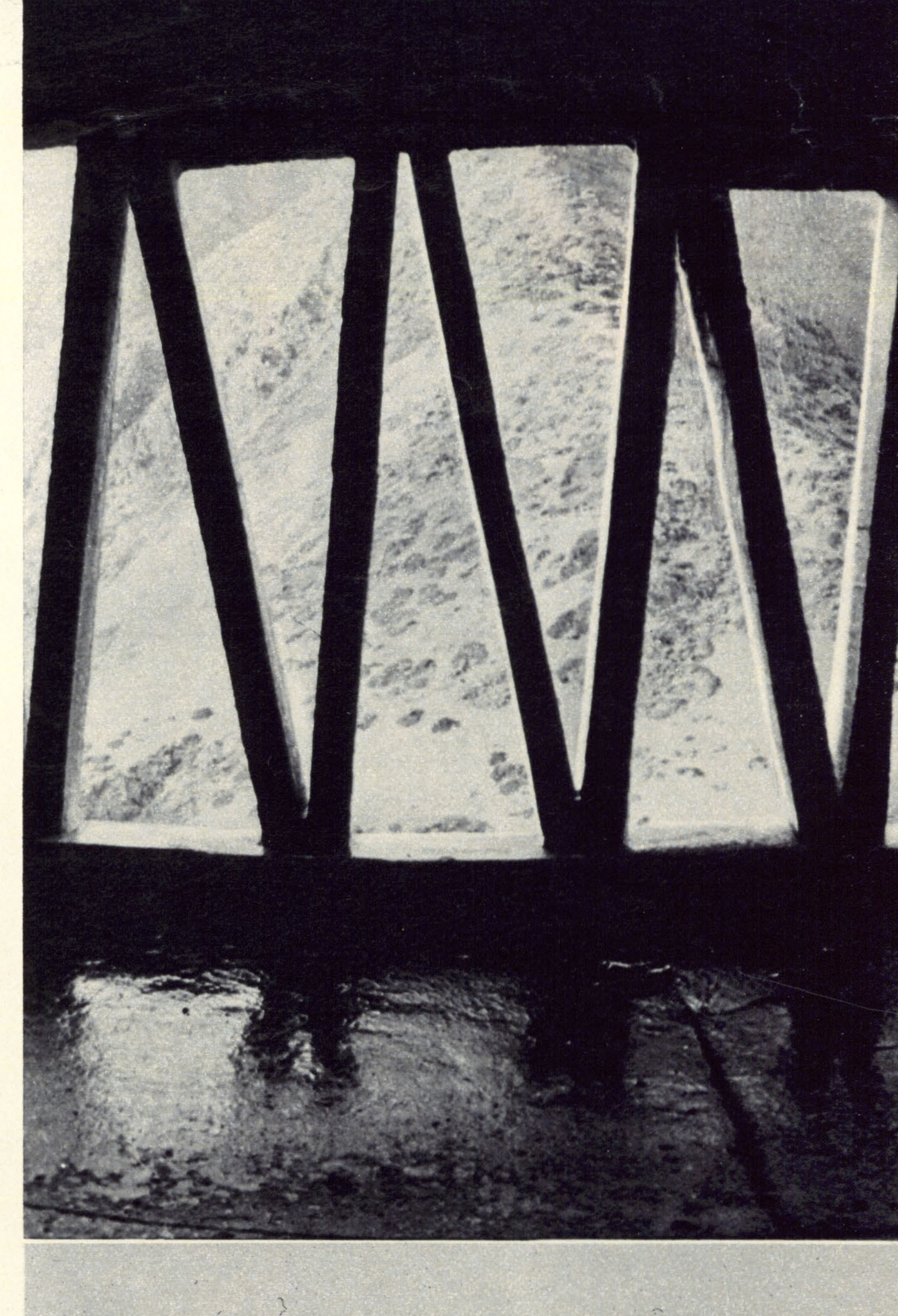
Объездчик горных пастбищ Абдкерим Тынаев.

«По горам, по долам ходит шуба да кафтан». Эта смешная детская загадка родилась в России, но подлинный ее смысл начинаешь понимать только в далекой Киргизии. Горы и долины, вечные снега и выжженные солнцем пустынные плоскогорья, сумасшедшие ледяные речки и спокойное, огромное, как море, озеро Иссык-Куль. И всюду —овцы, овцы, овцы. Альпинисты с трудом забираются в горы и вдруг где-то на неимоверной крутизне

замечают следы острых овечьих копыт. На широких киргизских шоссе возникают автомобильные пробки, когда тысячные отары начинают неторопливо пересекать асфальт. Овцы теперь частенько ездят на грузовиках, летают на самолетах. Даже среди волн Иссык-Куля можно вдруг услышать знакомое блеяние — это овец перевозят на судах, чтобы они, не дай бог, не похудели в лишних пеших переходах.

За что такое почтение этим животным! Да все за те же шубу и кафтан, валенки и свитеры, кофточки и солдатские шинели, за нарядные костюмы, за лакомую баранину. Постоянно растет спрос на натуральную шерсть, кожу, и из года в год увеличиваются овечьи отары.

...Про какое-нибудь легкое дело говорят: «Просто, как овец пасти». А так ли это просто! Судите сами.

ЧАБАН

Он как-то спокойно и по-домашнему сидел в седле, и уже не надо было спрашивать, сколько лет он ездит на лошадях: ясно, что всю жизнь. Мелкие капли дождя застревали на его круглой меховой шапке, в воротнике огромного тулупа. Дождь не беспокоил чабана. Всадник был настолько под стать величественной и суровой панораме киргизских гор, что мы, приезжие, вдруг почувствовали себя здесь лишними и даже смешными в своих городских одеждах.

— Принимай, Мамбет, гостей! — сказал один из тех, кто привез нас в горы. Чабан сверху, из седла, протянул гостям руку. Здороваясь, я взглянул ему в глаза и не увидел в них ни величия, ни суровости, ни той растерянности, что свойственна хозяевам, застигнутым врасплох гостями.

Мамбет Тынаев давно уже привык к неожиданным визитам гостей с блокнотами и кинофотокамерами. Слава его началась еще в тридцатые годы, когда имя Тынаева загремело на совещаниях, съездах, выставках. Мамбета тогда называли в числе лучших, но подлинное испытание его чабанского искусства пришлось на тяжелое время войны. Вся страна работала для фронта, и отары тонкорунных овец, над которыми долгие годы трудились ученые, шли тогда на мясо, на овчины для солдатских полушубков. На беду в 1943 году случился в отарах небывалый падеж. Последнее уцелевшее элитное стадо отдали Тынаеву: делай, Мамбет, что хочешь, но овец сохрани... Тынаев одному ему известными путями увел овец в горы, на далекие сырты. А вернулся — оказалось, что отборное стадо не только сохранилось, но и значительно увеличилось. Ученые смогли продолжить работу по выведению киргизской тонкорунной породы.

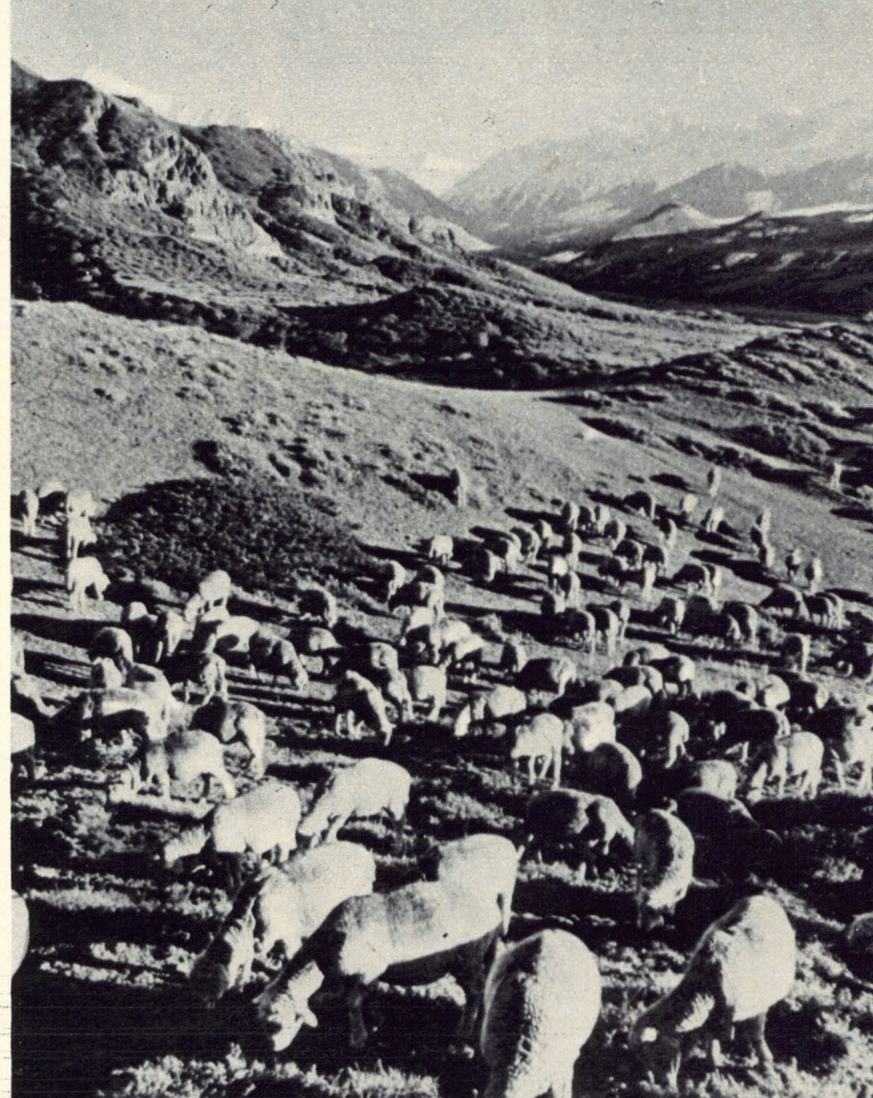
Сейчас Тынаев — старший чабан Оргочерской опытной станции Киргизского научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии. Ученые передают свои элитные отары только тому, кому верят. Тынаев по-прежнему пасет элитных овец...

Мы не съели с Мамбетом Тынаевым традиционного пуда соли и не выпили столь же традиционного ведра кумыса, но я, кажется, немного узнал этого человека. Тынаеву не нужно таить от людей свою душу. Он всю жизнь пас овец, стал одним из самых знаменитых чабанов в Киргизии, воспитал пять дочерей и шестерых сыновей, которые тоже стали уважаемыми людьми. Мамбет Тынаев вправе гордиться своей жизнью, своей семьей.

Чабан охотно говорил об овцах, о хозяйственных делах, но о себе рассказывать отказался. «Плохо русский знаю, в детстве учил арабский язык, потом латынь, а на русский уже памяти не хватило»,— улыбается старик. Он, конечно, шутит, ему просто хочется, чтобы мы вместо расспросов посмотрели цветной фильм о нем, снятый местной студией. Мы видели этот фильм — в нем вся семья Тынаевых, их поселок Оргочер на берегу Иссык-Куля, горные ущелья, красные скалы Джеты-Огуз, высокогорные сырты. Вот Тынаев стрижет овец, гонит отары в горы, скачет сквозь дождь за ветврачом для больного ягненка, охраняет овец от волков, кочует с юртой по высокогорным пастбищам... И всюду рядом с Мамбетом Тынаевым — его жена Зура, тоже заслуженный, орденоносный чабан, и старший сын, чабан-орденоносец Джамаке, и другие дети и внуки...

Тынаев достает из кармана щепотку насвая — нюхательного табака, растирает на ладони, не спеша рассказывает:

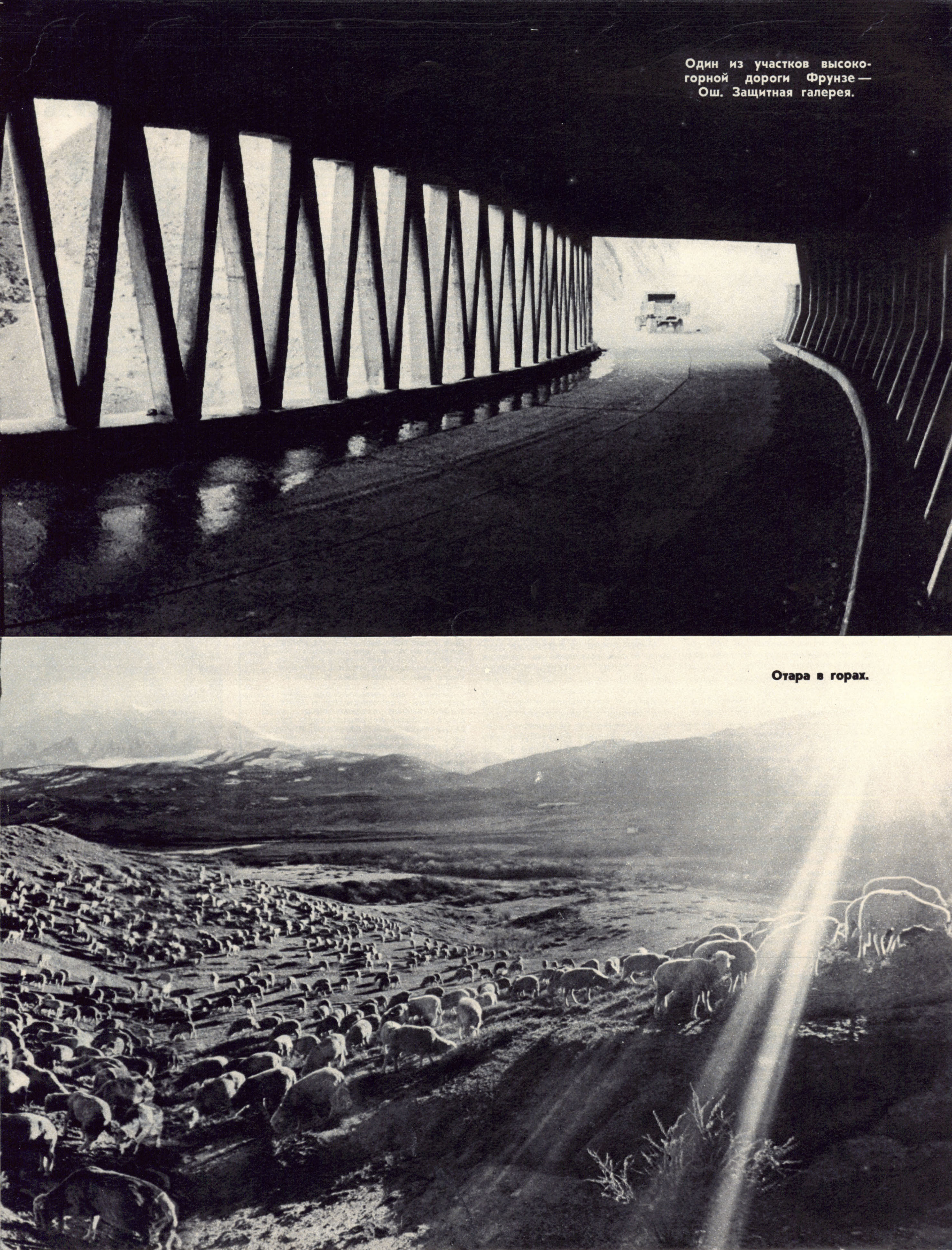
— Я сам родился во время кочевья в высоких горах и детей всегда с собой брал, учил овец пасти. А институт от них не убежал,— улыбается Мамбет и загибает пальцы: — Сын Совет окончил сельхозинститут, Джапар — агроном, Орозбек стал зоотехником, Джамаке, Джакшылык и Токтогул — чабаны, две дочери учились в университете, две в нем сейчас учатся, младшая дочь — школьница...— Чабан перечислял своих детей, и на его руках уже не хватало пальцев для счета. А еще внуки подрастают!

УЧЕНЫЙ

Сначала Койчу Исаков нарисовал на листке блокнота остроконечную гору, потом разделил ее широкими поперечными полосами.

— Вот здесь, у подножия, пустынный пояс, выше расположены горные луга, степи, еще выше — субальпийский пояс, потом альпийский и, наконец, нивальный

Один из участков высокогорной дороги Фрунзе — Ош. Защитная галерея.

Отара в горах.

пояс — вечные снега и льды. Весной, когда сходит снег, чабаны гонят отары сюда,— Койчу провел стрелку почти к вершине своей схематичной горы,— здесь на богатых кормами сыртах проводят лето, а осенью обильный снег постепенно теснит овец вниз.— Койчу прочертил стрелку к основанию пирамиды.— Вот так и кочуют отары испокон веков. Разумная система? Да, конечно. И деды мои так кочевали, и сам я в детстве по горам за овцами бегал. Нового здесь вроде ничего не выдумаешь. А выдумать надо. Для чего? Вот, смотрите.— Койчу размашисто написал на листке блокнота несколько цифр.— В 1930 году на каждую овцу приходилось по два гектара пастбищ, а сейчас на тех же двух гектарах в среднем пасется десять овец! Стране нужны шерсть, мясо, поголовье овец ежегодно растет, а горы все те же, пастбища даже уменьшились, потому что большие площади уходят под стройки, жилье и так далее. А то, что остается овцам, они сами вытаптывают, съедают растения под корень — ведь их в десять раз больше стало! В результате за последние годы урожайность кормовых трав снизилась в четыре раза. Дальше так продолжаться не может. Мы должны создать научную систему использования пастбищ, иначе овцам вскоре попросту нечего будет есть...

За окном, над белыми шапками гор, в черном морозном небе сияли огромные звезды. Громко шумел ручей. В соседнем вагончике на колесах — таком же, как и у нас,— окна уже погасли: ученым в экспедиции надо вставать с рассветом. А мы с Койчу все сидим за столом, и в походной лампе-летучке, наверное, скоро выгорит керосин, а листки блокнота и обрывок газеты перед Койчу испещрены цифрами, схемами и восклицательными знаками.

Койчу Исаков, кандидат биологических наук, рассказывал о задачах экспедиции, и у меня сложилось впечатление, что сюда, в Сусамырскую долину, на высоту около трех тысяч метров, выброшен целый десант сотрудников Киргизского научно-исследовательского института животноводства и ветеринарии. Так оно, по существу, и есть, только экспедицию не выбрасывали с воздуха, а затащили тракторами в горы в трех вагончиках-балках. Вскоре чабаны и табунщики близлежащего колхоза «Красный Октябрь» с удивлением увидели, как от вагончиков тянутся в гору какие-то изгороди, как приезжие вбивают в склоны деревянные колышки и ставят высокие мачты. Дальше — больше: колхоз получил от института задание выровнять в долине площадку для самолета. Тут уж мальчишки заранее установили дежурство, чтобы не пропустить первую посадку...

Много вопросов интересует ученых, и они устроили на склонах что-то вроде опытного полигона для овец. Овцы станут здесь пастись на огороженных участках, выедать и вытаптывать учтенную и измеренную исследователями траву в отмеченных колышками квадратах, а ученые будут буквально ползать по пастбищу вслед за овцами с пинцетами, линейками и арифмометрами... С самолета будут разбрасывать удобрения — надо знать, сколько и каких химикатов необходимо внести в эти земли.

— Мы стремимся к тому,— говорил Койчу,— чтобы здесь, в центре овцеводства, создать первую в стране станцию комплексного использования пастбищ, максимально приближенную к природным условиям. Результаты научных исследований должны сразу же внедряться в практику. Уже решено, что на базе нашей метеоплощадки будет построена большая метеостанция. Значит, скоро мы сможем давать прогнозы не только метеорологические, но и биологические. Представляете, диктор по радио после сводки погоды объявляет: «В связи с изменением атмосферных условий на таких-то типах пастбищ в ближайшие десять дней ожидается урожайность столько-то центнеров с гектара. Чабанам рекомендуется перегонять отары в такие-то зоны...» А ведь сейчас чабаны, как и раньше, порою гадают, куда кочевать, полагаясь на свой опыт и интуицию. Мы поможем чабанам... Дальше так продолжаться не может!

Мамбет Тынаев: «У меня уже внуки растут...»

МИНИСТР

О том, как развивается овцеводство в республике, мы попросили рассказать министра сельского хозяйства Киргизской ССР М. У. Умуралиева.

— Наша республика занимает сейчас по овцеводству одно из ведущих мест в Союзе, причем бурный рост этой отрасли народного хозяйства начался только в годы Советской власти. Киргизы с древних времен кочевали с отарами по горам, это было основным занятием нашего народа, и тем не менее в первые годы после Октябрьской революции удельный вес республики в животноводстве всей страны был невелик.

Овцы всегда были основным богатством киргизских кочевников, но распределялось это богатство неравномерно: многотысячные стада — у баев и манапов, а у бедняков — маленькие отары, а то и вовсе несколько овец. Советская власть вручила все богатства гор во владение трудовому народу. Но главный смысл великих перемен был не только в создании коллективных хозяйств: партия и правительство поставили перед всеми овцеводами страны, в том числе и Киргизии, задачу преобразования грубошерстного овцеводства в тонкорунное. Этого требовали интересы государства и интересы самих колхозников.

В Киргизии выведение тонкорунной породы, хорошо приспособленной к местным условиям, началось с середины двадцатых годов под руководством члена-корреспондента Киргизской Академии наук, ныне академика М. Н. Лущихина. Большую помощь киргизским ученым в решении этой проблемы оказали специалисты России, Украины и других союзных республик.

Только с помощью науки мы можем определить дальнейшие пути роста поголовья овец, повышения их продуктивности, расширения пастбищ, создания новых пород... И не только тонкорунных,— замечает министр.— Тонкорунные породы долгое время были в центре нашего внимания да и сейчас остаются, но мы чуть было не совершили серьезную ошибку: увлеклись одной породой и забыли о других. А ведь овцы с более грубым качеством шерсти тоже имеют важное значение для народного хозяйства. Они дают и мясо и шерсть для производства ковров, технического сукна, обивочных тканей, веревок...

Сейчас мы располагаем миллионными тонкорунными и полутонкорунными стадами овец. Ведутся работы по воссозданию полугрубошерстной алайской породы — редчайшей не только у нас, но и во всем мире. Эти овцы крайне неприхотливы, выносливы, хорошо чувствуют себя на очень большой высоте. Чтобы занять все высокогорные пастбища, мы собираемся довести поголовье алайских овец до миллиона.

В целом задание пятилетки по государственным закупкам шерсти республика выполнила досрочно. Поголовье овец и коз за годы пятилетки в республике увеличилось на 1,3 миллиона голов и составляет сейчас почти 10 миллионов. Падеж скота значительно сократился, повысился выход молодняка. В Киргизии построены за эти годы животноводческие помещения для 2,8 миллиона голов скота. Это шаг вперед, приближающий наше овцеводство к высококультурной механизированной отрасли хозяйства.

«ОГОНЬКУ»

СОТРУДНИЧЕСТВО НА ВОЗДУШНЫХ ТРАССАХ

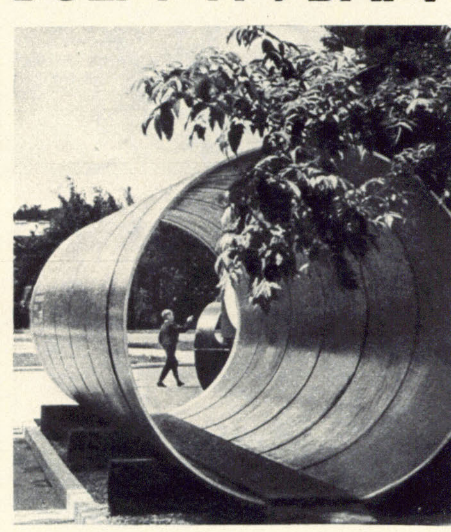
СВЫШЕ 150 000 КИЛОМЕТРОВ — ТАКОВА ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ НАШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЗДУШНЫХ ТРАСС.

Советский Союз присоединился к Чикагской конвенции 1944 года «О международной гражданской авиации» и стал членом ИКАО.

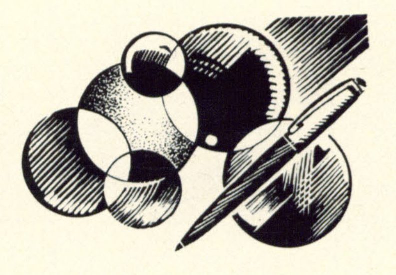
Это сообщение комментирует министр гражданской авиации СССР Борис Павлович Бугаев.

Вступление СССР в ИКАО (Международная организация гражданской авиации), несомненно, сыграет важную роль в дальнейшем развитии гражданской авиации Советского Союза. Это благотворно повлияет на расширение и укрепление сотрудничества различных госу-

ВСЕМ ТРУБАМ

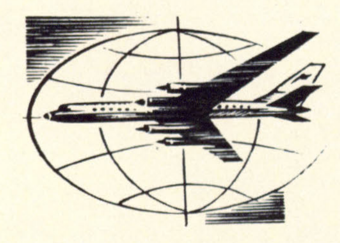

ЗАВОД ШАРОВ

«ОГОНЬКУ»

СООБЩАЮТ...

дарств в области воздушного транспорта. В настоящее время в ИКАО состоят 120 государств. Их тесное сотрудничество повышает безопасность полетов, позволяет всем странам, в том числе и малым, участвовать в широком обмене опытом по вопросам гражданской авиации.

И еще одно существенное обстоятельство: присоединение СССР к ИКАО позволит Аэрофлоту шире развить международные контакты. Сейчас общая протяженность наших международных воздушных трасс превышает 150 тысяч километров. Они протянулись почти на все континенты земного шара. Только за несколько последних лет мы открыли такие новые авиалинии, как Москва — Нью-Йорк, Москва — Токио, Москва — Женева и другие. Советские пассажирские самолеты совершают сегодня регулярные полеты в 60 государств мира. А в аэропортах Москвы, Ленинграда, Киева, Ташкента и других городов СССР совершают посадки самолеты, принадлежащие 27 иностранным авиакомпаниям 28 стран мира.

Советский Союз — великая авиационная держава. Достаточно сказать, что только в 1969 году по воздушным линиям Аэрофлота было перевезено 68 миллионов пассажиров.

Несколько слов о наших деловых контактах с ИКАО в прошлом. СССР участвовал в международных конференциях, совещаниях и заседаниях по вопросам гражданской авиации. И в целях оказания содействия полетам на международных воздушных линиях мы стремились по возможности придерживаться летно-технических норм и рекомендаций, предложенных международной конвенцией. Характерным примером тому являются двусторонние соглашения о воздушных сообщениях, заключенные СССР с США, Канадой, Великобританией и другими государствами — членами ИКАО.

Сейчас образована Комиссия СССР по делам ИКАО.

ТРУБА!

Когда видишь медленно, сантиметр за сантиметром, выезжающую из сварочного стана такую вот трубу, проникаешься чувством особого уважения к людям, сумевшим сделать это. Гигантский стан, установленный в одном из новых цехов Новомосковского металлургического завода, позволит провести отработку технологии производства таких гигантских труб диаметром в 2 520 миллиметров. Здесь уже выпускают готовую, однако пока экспериментальную продукцию.

Я попросил шофера «Москвича» подогнать машину к трубе — для сравнения.

— Почему к трубе! Можно и в трубу... По ней и «Волга», пожалуй, пройдет.

Трубы большого диаметра — это 40 процентов экономии металла плюс значительное увеличение пропускной способности трубопровода. Крупнейшие специалисты мира отмечают рентабельность транспортировки газа и нефти в таких трубах.

К. БАРЫКИН
Фото автора.

Эту заметку я пишу шариком, сделанным на только что родившемся в Москве заводе. За месяц он выпускает 16 миллионов шариков для авторучек. Что это за завод?

Если для новых городов строительство завода — явление обычное, то для Москвы это — событие. Последние десятилетия в столице, как правило, не сооружают новые, а лишь реконструируют старые предприятия. В новом районе города, в Медведкове, рядом с белыми корпусами многоэтажных зданий вырос такой же геометрической формы, но стелющийся по земле корпус, известный всем тамошним новоселам как завод шаров. Он будет выпускать блестящие, словно зеркало, шары разных диаметров: от 1 до 100 миллиметров.

Начали с самых крохотных, миллиметровых шаров,— он и в моей шариковой ручке. Шар диаметром в один миллиметр — изделие первой степени точности. Идеальный шар.

Выпуск шаров в подшипниковой промышленности является одним из самых тонких производств. Поэтому и создан в Союзе специализированный завод. Его продукция поступает на разные подшипниковые заводы, в том числе на тот, где делают подшипники для новых советских автомобилей «Жигули».

К. ЛЬВОВ

СООБЩАЮТ...

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ ПЯТИЛЕТКИ

КАВАЛЕР НАРОДНОГО ОРДЕНА ТРУДА

Фотин шел по монтажной площадке, и его не покидало ощущение, что он никуда отсюда не уезжал, что не было четырех лет перерыва, что вот сейчас навстречу ему вынырнет старый друг Стефан Превчев. И вдруг чья-то рука легла на его плечо, и он действительно услышал знакомый голос Стефана. Это было похоже на чудо, но объяснялось просто: Превчева и на этот раз назначили начальником монтажа, и не встретить его здесь было невозможно.

— Э-э-э, да я вижу, другарю Фотин приехал,— весело сказал Стефан.— Значит, теперь дело пойдет...— И все похлопывал его по плечу.

А тем временем к Фотину уже спешили бригадир Димитр Томов, и главный мастер печи Георгий Ценков, Герой Социалистического Труда Болгарии, и механик Стефан Патешов — все знакомые, все друзья, все соратники по монтажу первой в Болгарии советской стотонной электродуговой сталеплавильной печи ДСП-100. Впрочем, электропечь такой мощности была первенцем и Новосибирского завода электротермического оборудования. И когда там встал вопрос, кого отправлять на Кремиковский металлургический комбинат в Болгарию консультантом по монтажу, сомнений не было: лучше Александра Николаевича Фотина печь никто не знал. И вот сейчас он снова здесь, потому что настала очередь монтажа второй ДСП-100. Фотина буквально засыпали вопросами, и он рассказывал, что теперь работает начальником бюро технического контроля сборочного цеха («Вам по знакомству самую лучшую печь отгрузил»), что там борются за звание коллектива коммунистического труда, что завод недавно изготовил самую большую в Советском Союзе двухсоттонную печь и отправил ее в Волгоград и что сибирские печи знают теперь в 18 странах мира. Он рассказывал все это, а сам в волнении поглядывал в ту сторону, где в алых сполохах пламени гудела гигантская ДСП-100. Там в это время шла разливка стали. И Фотин не выдержал, зашагал туда, увлекая за собой друзей, передавая им свое нетерпение. Теперь уже он молчал, а они рассказывали. И печь тоже рассказывала о себе понятным ему языком. Александр Николаевич еще не знал в тот момент, что видит своего рода юбилейную пятитысячную плавку, что стали выплавлено уже на 19 тысяч тонн больше, чем предписывалось проектом. Да, Фотин не знал этого, но опытным глазом определил: на ДСП-100 жаловаться грех, работает она что надо. Он обернулся к Превчеву и, показывая на установку водоохлаждения, коротко спросил:

— Ну как?

— Во! — поднял тот большой палец.

Оба вспомнили прошлый монтаж. Дело двигалось к завершению, но Фотин почему-то не радовался, все ходил вокруг печи, хмурился и записывал что-то в блокнот. Он заметил, что узел водоохлаждения частично будет загораживать кабину пульта управления печи и мешать обзору. Это была конструкторская недоработка, но ее не поздно было исправить и сейчас, нужно только переставить узел. Правда, это вызовет небольшие технологические изменения. Зато управлять печью будет несравненно удобнее.

— В чертежах этого нет,— возразили ему.

— Верно, но чертежи-то делают люди,— ответил Александр Николаевич.

Узел перенесли. Надо ли говорить, с каким волнением ждал Фотин испытания — первой плавки. Но все прошло как по маслу. Печь пошла. В тот день министр черной металлургии Болгарии Георгий Павлов обнял его и троекратно по старому обычаю поцеловал. А на следующий день Александр Николаевич уезжал домой, в Новосибирск, и увозил с собой акт приемной комиссии, в котором было сказано, что по его, Фотина, настоянию узел водоохлаждения печи перенесен вопреки чертежам. Он был уверен тогда, что их печь не подведет. И она действительно не подвела... Через год в Новосибирск на завод электротермического оборудования пришла весть: болгарское правительство за монтаж ДСП-100 наградило Александра Николаевича Фотина народным орденом Труда.

И вот он снова здесь. Вторая ДСП-100 ждет своей очереди. Фотин знал, что теперь им будет легче, потому что вокруг много друзей, потому что появился опыт и у него и у них — болгары молодцы, научились вести монтаж не хуже наших. Сборку начали крупными узлами и сократили сроки монтажа чуть ли не вдвое. Вторая печь пошла с первого раза. Фотин дождался двухсотой плавки и только тогда купил билет в Новосибирск.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

* Трудовые подарки съезду
* Коэффициент ответственности
* Мирные доспехи электронного рыцаря

ПОЗИТРОН В ДЕЙСТВИИ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
Константин ЧЕРЕВКОВ
Фото Геннадия КОПОСОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Этот робот приветствует всех входящих сюда. Его мысли, рожденные электронным мозгом, вспыхивают на телевизионном лице. Рыцарь науки XX века, облаченный в самые мирные доспехи,— плод ума и рук своих создателей, изобретательных и веселых людей. И хотя опытный глаз инженера без труда узнает в его фигуре хорошо знакомые детали из арсенала радиоэлектроники, кажется, что этот фантастический рыцарь и впрямь распахивает дверь в страну будущего. Он приглашает полюбоваться делами создавших его людей: трудовыми подарками ученых, инженеров и рабочих XXIV съезду КПСС. Воочию эти подарки можно увидеть в цехах заводов, в лабораториях ученых. Они воплощены в колонки цифр и формул, в чертежи и сложные приборы, в телевизоры и самые различные детали.

Мы в ленинградском научно-производственном объединении «Позитрон».

— Наше объединение родилось около года назад, и, по существу, его создание тесно связано с поисками путей, которыми должны идти наука и производство, с дальнейшим техническим прогрессом страны,— говорит коммунист Евгений Антонович Гайлиш, главный инженер института, заместитель генерального директора объединения.

Двадцать восемь лет было Гайлишу, когда он стал главным инженером крупнейшего в Ленинграде научно-исследовательского института, и двадцать восемь лет он остается на этой трудной и почетной должности.

— Дело в том,— продолжает рассказывать Евгений Антонович,— что в последнее время и наука и производство страдают от отсутствия надежной связи, от разобщенности ученых, технологов, создателей оборудования и производственников, от отсутствия их обоюдной заинтересованности и ответственности. Это приводит к тому, что освоение новых изделий на заводах идет недостаточно быстро. Один из выходов из такого ненормального положения, на наш взгляд, состоит в создании научно-производственных объединений, куда входят исследовательские институты, конструкторские бюро, технологические лаборатории и заводы. Таким образом, создается единая леночка: научные исследования — опытное производство — проектирование и изготовление машин, производящих будущие изделия, и, наконец, выпуск новой продукции на заводах.

— А что уже дала такая организация труда вам, ученым? — спрашиваем мы.

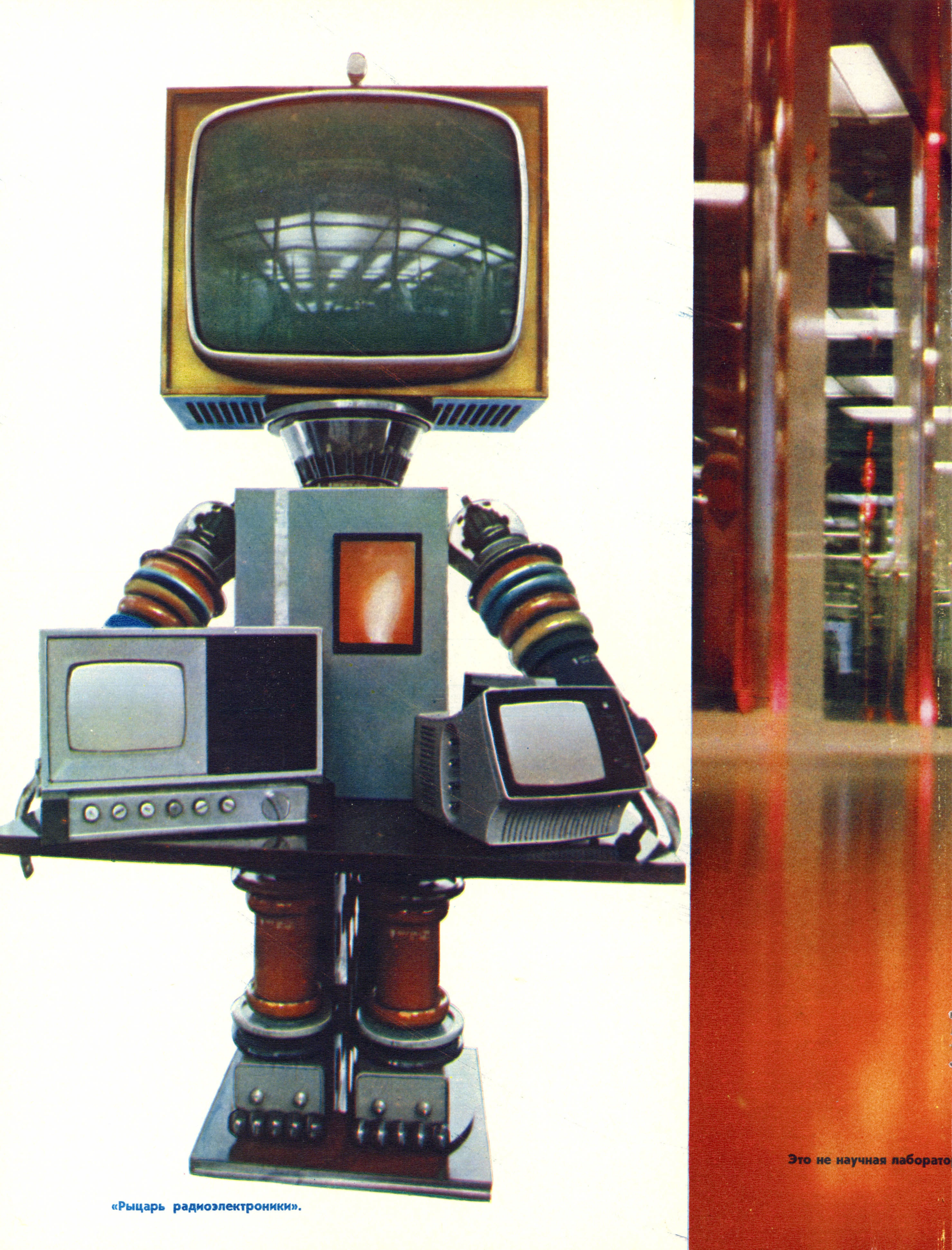
— Научный работник непременно хочет, и как можно быстрее, увидеть овеществленными плоды своего труда,— говорит Гайлиш.— В этом он заинтересован прежде всего морально. Это ему необходимо, чтобы развивать свои научные идеи — искать, пробовать, ошибаться, думать.

Потом, побывав в лабораториях, увидев, как работают ученые «Позитрона», мы поняли, почему в первую очередь Евгений Антонович назвал именно эту, не поддающуюся точному учету, так сказать, психологическую выгоду, которую дает ученым объединение. Для него, коммуниста, организатора науки, человека творчества, возможность воочию увидеть плоды своего труда не просто окрыляет, она необходима, как воздух.

Еще недавно, когда научно-производственные объединения только создавались, многих тревожили вопросы: не замкнется ли отраслевой научный институт только в рамках объединения? Не будет ли этим нанесен ущерб государству? Не скажутся ли отрицательно хлопоты ученых о внедрении работ на размахе их научных исследований? Мы спрашиваем об этом Евгения Антоновича.

— Задача нашего объединения — развеять эти сомнения,— отвечает он.— Если

В отделе научно-технических исследований. Инженер Тамара Агафонова видит изображение микросхемы, увеличенное в 50 раз.

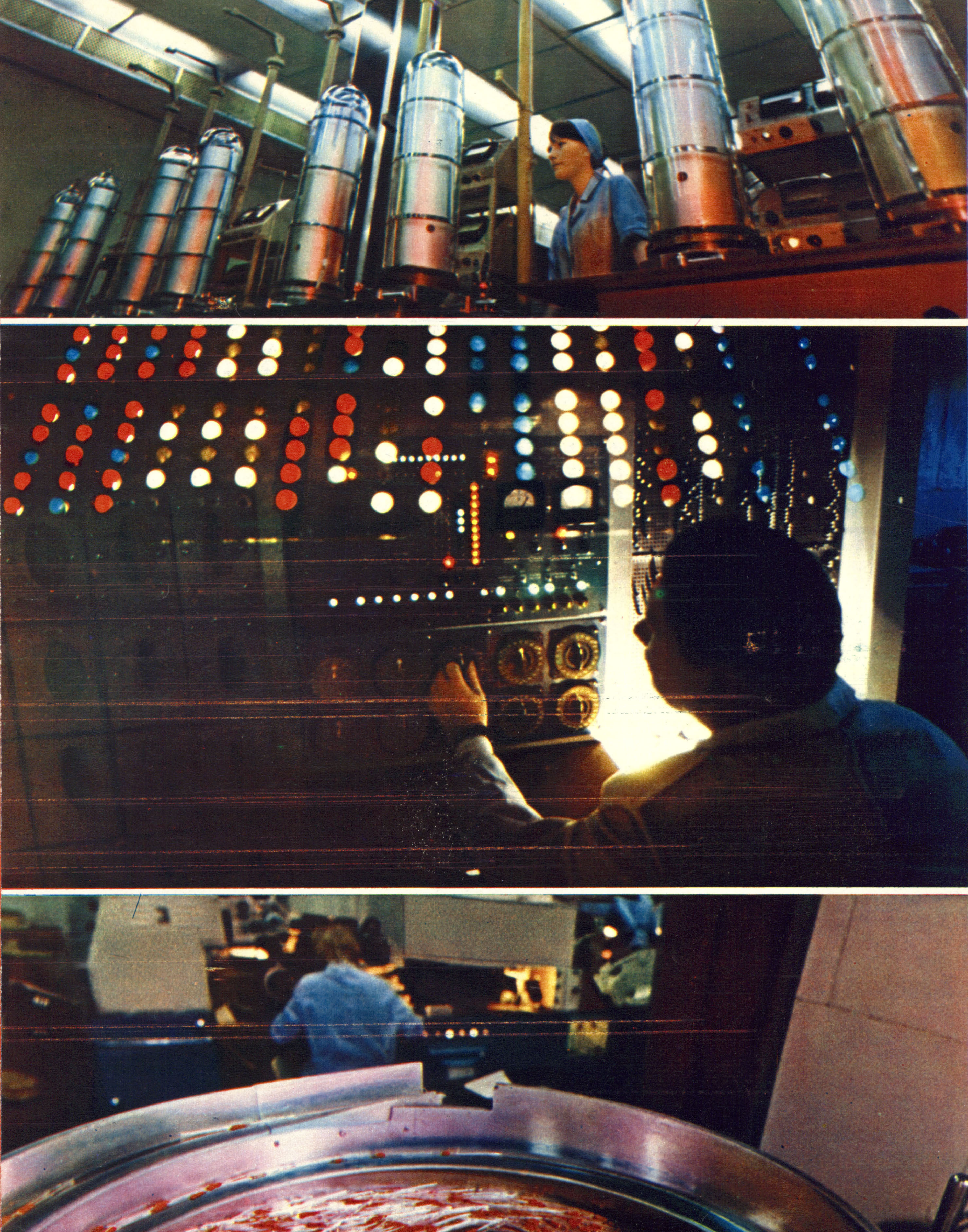

«Рыцарь радиоэлектроники».

Это не научная лаборато

рия, это цех одного из заводов «Позитрона».

раньше отраслевые заводы страны получали от нашего института разработки на уровне только опытного производства, то теперь мы будем давать законченные линии для массового производства. Людей, занятых непосредственным внедрением, в институте станет меньше. Ведь раньше наши работники вынуждены были часто и подолгу находиться в командировках на заводах, само внедрение носило, если можно так сказать, принудительный характер. При внедрении изделий на заводах объединения энергии институт будет затрачивать меньше, а эффект получит больший. Институт освободит много людей для научной работы, объем поисковых исследований в институте увеличится по сравнению с предыдущим годом. Побывайте у нас в отделах научно-технических исследований, сами убедитесь, как теперь идет работа.

...Снимаем туфли, надеваем специальную обувь, белые халаты из крученого капрона, старательно убираем волосы под капроновую шапочку. Ведь чистота воздуха в помещении, куда мы вступаем, оценивается количеством пылинок на литр воздуха!

В отделах научно-технических исследований «Позитрона» поражает все: и внешний вид и работы, ведущиеся здесь. Представьте себе огромное помещение с зеркальным потолком, поблескивающим где-то высоко над головой, с устремленными ввысь стеклянными перегородками, с красными, желтыми боксами, в которых над чем-то колдуют женщины и мужчины в ярких свитерах под белой пеной капроновых халатов. В кабинете руководителя отдела, кандидата физико-математических наук Рубена Павловича Сейсяна как непременная деталь рабочего оборудования инженера стоит микроскоп, под стекло которого легла радиосхема, начиненная огромным количеством транзисторов.

Тут изготавливают интегральные микросхемы. О них нельзя даже сказать, что они открывают огромные перспективы перед радиоэлектроникой, нет, они вводят совсем новые правила, иные законы, по существу, совершают революцию в технике. Интегральная схема составляется не из отдельных элементов, которые надо сначала сделать, потом собрать по определенному принципу, потом соединить между собой, а делается сразу, вся целиком. Интегральные схемы открывают совершенно новые перспективы для радиоэлектроники, прочно входящей в наш быт. Ведь решаются два основных вопроса: приборы уменьшаются в сотни и тысячи раз и делаются более дешевыми.

Мы высказываем Сейсяну свое восхищение увиденным.

— Действительно, впечатляет,— соглашается он.— Но существующий метод изготовления микросхем нас уже не устраивает. Мы думаем о будущем.

...Да, прав заместитель генерального директора Евгений Антонович Гайлиш, ученым помогает объединение их с производственниками.

Среди трудовых подарков XXIV съезду наше внимание привлекла одна из новых моделей телевизора. Этот телевизор-малютка стоял среди своих собратьев, поблескивая сероватым экраном, сложив на спине антенну. Зовут его «ВЛ-100». К XXIV съезду КПСС «Позитрон» выпустит много тысяч таких телевизоров. Мы в цехе, где на конвейере на наших глазах телевизор обретает жизнь. Чем же отличается новая модель от своих телевизионных родственников?

Прежде всего размерами (хотя экран у малютки совсем не так мал — 16 сантиметров по диагонали) и весом — всего три с половиной килограмма, почти на пять килограммов легче, чем пользующийся успехом переносный телевизор «Юность». Недалеко время, когда новые, подлинно переносные модели станут вторым телевизором в семье, специально для поездок и походов.

— Что изменилось в этом цехе за время вступления завода в научно-производственное объединение «Позитрон»? — спрашиваем мы у директора завода В. А. Игнатьева.

Он улыбается.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос. Дело в том, что раньше этого цеха вообще не было. Он, если можно так сказать, и есть порождение «Позитрона», его экономической и технической политики, новой связи науки и производства. А вот еще пример такой связи: один из важных автоматизированных участков с помощью ученых мы пустили всего за семь месяцев, а одни, сами по себе, мучились бы года три, если не больше.

Завод, на котором мы беседуем с директором, в числе самой различной радиопродукции выпускает резисторы и конденсаторы. А это радиосвязь, телевизоры и электронно-вычислительные машины. Их производство по своей сути зиждется на всем самом новом, что дает человеческий разум, техническая и научная мысль.

В. А. Игнатьев продолжает рассказывать об изменениях на заводе. Приводит новые цифры, сравнения. А нам вспоминается недавний разговор с директором другого завода, тоже входящего в «Позитрон», И. С. Пшеничным. На этом заводе в кратчайшие сроки пущен новый большой цех, на освоение одного из сложных изделий в нем ушло в четыре раза меньше времени, чем раньше. Иван Сергеевич Пшеничный тоже говорил о рождении новых методов общения между конструкторами, учеными и производственниками, о выгодах, которые дает такое объединение заводу. Мы задали тогда И. С. Пшеничному вопрос, тревоживший многих еще год назад.

— А не ущемляет ли объединение самостоятельности завода?

Иван Сергеевич посмотрел на нас удивленно.

— Те права, которые нужны мне как директору для обеспечения выполнения плана, остались за мной, а все, что связано с технической политикой и перспективой развития производства, централизовано. Но я имею возможность влиять на решение и этих вопросов, так как вхожу в совет директоров при генеральном директоре. Мы стали перевыполнять план, а значит, возросла реальная зарплата. Пришла новая, более современная технология, а значит, улучшились условия труда, рабочие стали меньше уставать, больше народу пошло учиться в вечерние школы, институты и техникумы. Объединение богаче одного завода, и поэтому жилых домов, санаториев и пансионатов стали строить больше, легче получить квартиру и путевку.

На столе генерального директора объединения Алексея Никифоровича Голенищева мы видели интереснейший документ: «Перспективный комплексный план социального развития объединения на 1970—1975 гг.». Этому документу Алексей Никифорович придает даже большее значение, чем плану научно-технических исследований. Этот документ учитывает и важнейшие направления научных работ, и повышение технического уровня производства, и улучшение условий труда, и укрепление здоровья трудящихся, и жилищное строительство, и влияние научно-технического прогресса на профессиональный состав и квалификацию работающих, и быт рабочих, их отдых и учебу.

То, что сейчас происходит в «Позитроне», о чем так взволнованно говорили нам его работники, по существу, и есть претворение этого плана в жизнь.

Немногим более полувека назад была в Петрограде фабрика купца Лебедева, знаменитая фабрика, существующая в России 130 лет. И все 130 лет делали на ней мешки и канаты.

Сейчас на ее месте стоит завод, выпускающий сложные приборы, электронные мозг, глаза и уши нашего стремительного века. Продукция завода идет в 28 стран мира. И только старожилы сохранили в памяти, как курьез, что улица, входящая сейчас в территорию завода, называлась раньше презрительно «Дунькин переулок». Ведь работали на фабрике Лебедева в основном женщины, забитые, неграмотные. Посмотрели бы они сейчас на своих преемниц, гордо командующих автоматами, на цеха, выросшие вместо низких, деревянных бараков, послушали бы разговоры, которые ведутся в бригадах!

А послушать есть что. Например, мы присутствовали, когда в одной из бригад завода обсуждалось одно из звеньев автоматизированной системы управления производством — АСУП.

— Эти автоматы созданы нами к XXIV съезду,— говорит коммунист В. И. Алексеев, заместитель начальника цеха.— Монтаж АСУП мы тоже закончим к съезду,— продолжает он.— Но это еще не будет концом работы. Нашу малую АСУП мы думаем связать с вычислительным центром объединения.

Бригада, которую возглавляет инженер В. И. Алексеев, не совсем обычная. Она не замыкается в рамках завода. В нее входят люди различных профессий: слесари, наладчики и конструкторы из ЦКБ, технологи и инженеры, рабочие завода и сотрудники исследовательского института. Родились такие комплексные бригады стихийно. К этому подводила новая организация труда, это было, если можно так сказать, первым ростком новой психологии, рожденной объединением. А месяц назад комплексные бригады приняли официальную форму, были закреплены приказом генерального директора «Позитрона».

Столкнулись мы в «Позитроне» еще с одним интересным явлением — так называемыми «совещаниями на низшем уровне». Теперь, когда заводы, лаборатории, конструкторские бюро и институты объединились, люди, работающие над общей проблемой, узнали друг друга. И когда возникают какие-либо трудности, незачем писать официальные письма, достаточно просто созвониться по телефону и встретиться, чтобы выяснить нерешенные вопросы. Такие сугубо деловые встречи «на низшем уровне» стали непременным условием жизни «Позитрона». Новая система сама родила новые взаимоотношения людей...

Н. С. СЕМЕНОВ, секретарь Ленинградского городского комитета КПСС:

— Наше мнение сводится к одному: при существующем отраслевом принципе руководства промышленностью, при утвердившейся в жизни новой системе планирования и экономического стимулирования возрастает необходимость в постоянном осуществлении научно обоснованной технической политики.

Главкам, как правило, в полной мере ее осуществить трудно, и прежде всего потому, что, являясь органами чисто хозяйственного управления с административными методами руководства, они в своем составе не имеют и не могут иметь высококвалифицированных специалистов, разбирающихся во всех деталях и тонкостях научных проблем. И это положение не изменится даже при появлении у главков новых экономических возможностей.

Поэтому наиболее правильным на данном этапе научно-технического прогресса нам кажется создание научно-производственных объединений с крупными научно-исследовательскими институтами во главе, способных нести ответственность за целые направления науки и производства.

К числу таких объединений относится «Позитрон». А выгоды, которые уже получены от создания этого объединения, вы видели сами.

Создание научно-производственных объединений — дело новое, рождающееся в спорах, поэтому, естественно, нерешенных вопросов еще много. Взять хотя бы тот факт, что работники научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро этих объединений выпадают из общего звена экономического стимулирования: их зарплата пока не зависит от эффективности научных работ от результатов внедрения. Существует система премий, но, по нашему мнению, тут нужны не разовые поощрения, а постоянно действующие факторы.

Думается, что подобные объединения в будущем включат в себя все предприятия данного направления отрасли и получат все права и функции главка. Может быть, это произойдет не сразу. Но мы предполагаем, что такое направление развития объединений будет полнее удовлетворять требования постоянно ускоряющегося научно-технического прогресса страны.

Автоматика управляет сложными процессами производства.

УНИВЕРСИТЕТ ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН

Начало — на стр. 5.

Ему здесь верны во всем. Прежде всего в направленности кафедр. Большинство их ставит своей целью глубоко изучить все проблемы Полесья. А современное Полесье — это и мелиорация, и химия, и стройки; это новый подход к экономике, к развитию образования, культуры. Контакты с Полесьем разнообразны по форме. От конкретной помощи в конкретных делах до проведения заседаний ученых советов в районных центрах. Для чего? А чтоб разъяснить смысл усилий профессоров, преподавателей, исследователей, заручиться поддержкой, присмотреться к дорогам, на которые предстоит выйти завтра будущим питомцам нового вуза.

А общественные организации университета устраивают лекции и самодеятельные концерты в селах, создают боевой оперативный отряд в помощь городским блюстителям общественного порядка. Студенты из этого отряда дежурят в детских комнатах милиции, возятся с трудными подростками. Вот, пожалуй, основное во «внешней политике» университетских комсомольцев. Студенты обошли домоуправления, квартиры, выявили неподдающихся и взялись за их воспитание. Испробовали едва ли не весь арсенал современной педагогики. И нашли действенные средства. Тридцати двум мальчишкам предложили поехать летом со студенческим отрядом на стройку. Ребята работали не за страх, а за совесть. Иначе пришлось бы распрощаться с отрядом. Конечно, процесс воспитания еще далеко не завершен. Однако мальчишки уже сейчас просят: «Возьмите нас летом в отряды». Это уже успех. И немалый. А для студентов это еще и близкое знакомство с жизнью, со всеми ее сложностями...

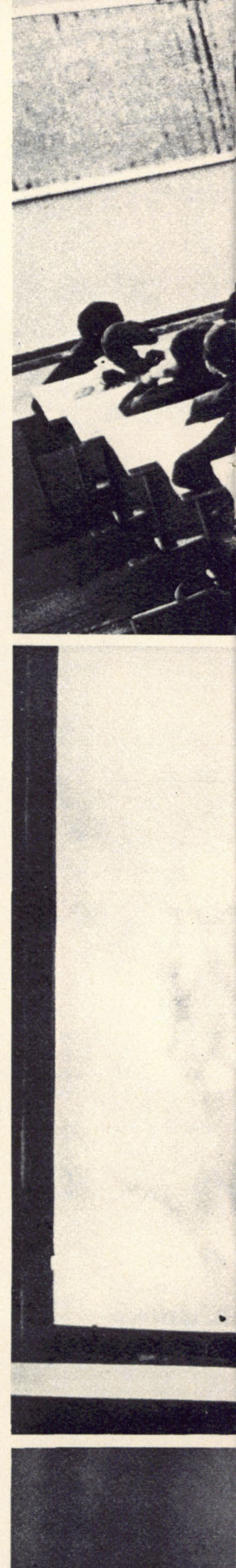
В 1969 году в Гомельском университете был самый большой набор по сравнению с другими белорусскими вузами. Но ведь важно не одно только количество. Надо, чтобы университет растил Курчатовых, Королевых, Вавиловых, Струмилиных... Их ищут. Открыта школа юных физиков, которой руководит заведующий кафедрой теоретической физики Вячеслав Григорьевич Симонов. Профессор Анатолий Семенович Паламарчук занимается с будущими ботаниками. Кандидат физико-математических наук Федор Исакович Шмидов — с математиками.

Разрабатывается проект создания в Гомеле полесского научного центра. Он включит в себя новый университетский городок и филиал Академии наук Белорусской ССР.

— Пока мы ведем строительство на старых площадках,— рассказывает ректор университета Белый.— Но скоро выйдем на новые. Трудностей, конечно, масса. Надо создавать научную базу, искать педагогов...

Университет держит экзамен. И, я уверен, этот экзамен сдадут успешно все — и преподаватели и студенты. Порукой тому — хороший стиль, твердый почерк, что найдены уже сегодня.

Студент-биолог Виктор Чепиков готовится к защите диплома.

Первокурсники.

Мастер спорта Светлана Скорикова учится на факультете физического воспитания.

Какие сегодня лекции!

Доктор технических наук Д. Н. Гаркунов переехал в Гомель из Москвы.

Вечером в общежитии...

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Евгений ЕВСЕЕВ

ТРИНАДЦАТЬ СТУПЕ

В этот солнечный день в кварталах, прилегающих к ООН, тишины не было, рассказывают очевидцы. Площадку напротив штаб-квартиры на углу 47-й улицы захватила разнузданная толпа. Размахивая антисоветскими плакатами и распевая воинственные гимны, эти люди чем-то напоминали гитлеровских штурмовиков. Что же это было? Оказывается, очередная из запланированных сионистами провокаций по «привлечению» внимания мирового общественного мнения к «положению евреев в СССР».

Сегодня немало говорится об антисоветских выходках сионистов, организуемых в странах капиталистического мира. Кроме исступленной злобы, звериной ненависти к коммунизму, ко всему советскому, есть еще одно обстоятельство: главные действующие лица антисоветских спектаклей и провокаций — некие «сердитые» молодые люди, главным образом двух возрастных категорий — подростки, а также юноши до двадцати лет и чуть старше. К подобным же методам и практике сионизм прибегает и в других странах. И это не случайное явление, а результат разлагающего влияния сионистских наставников на некоторую часть молодежи еврейского происхождения. Еще Теодор Герцель, рассуждая о судьбах сионистского движения, призывал вести основную работу по обращению в сионизм именно среди еврейской молодежи. «Тогда,— говорил он,— вся наша молодежь в возрасте между двадцатью и тридцатью годами будет уже отступать от своих смутных социалистических тенденций и переходить ко мне...»

Помня этот завет, главари сионизма и ныне считают важной задачей вербовку молодежи в сионистские организации. Об этом много говорится на закрытых и открытых заседаниях руководящих органов различных «всемирных» сионистских организаций. Речь идет не только о Всемирной сионистской организации (ВСО), Совете по координации деятельности еврейских организаций, Международном совете по еврейскому социальному обеспечению, но и о растущих, как грибы, антисоветских организациях специального назначения, существующих в отдельных западных государствах.

И для того, чтобы побудить молодежь вступить в такого рода организацию, «наставники» всячески содействуют распространению среди еврейской молодежи главного сионистского постулата о существовании «всемирного еврейского народа», который-де в силу исторических условий оказался рассеянным по земле, и потому все, кто выступает против Израиля,— заклятые враги евреев. На этом строится воспитание штурмовиков Меира Кагейна в Америке, членов Всемирной организации еврейских студентов, молодежных, детских и юношеских формирований в Израиле и прочее.

В августе 1968 года мировую прессу обошла весть о разбойничьем нападении нескольких сотен молодых израильтян на мирное население арабских кварталов Иерусалима. Нельзя было без возмущения и боли читать о том, как хладнокровно избивали пятнадцати — семнадцатилетние юнцы убеленных сединами стариков, женщин, детей. Они орудовали кастетами, прикладами карабинов, велосипедными цепями и просто дубинами.

Сионистская пропаганда на Западе пыталась изобразить антиарабский погром в Иерусалиме как «естественную реакцию» и «возмущение» молодежи Израиля действиями арабских партизан. На самом же деле эта расправа была прямым результатом воспитания израильской молодежи в духе шовинизма и расовой ненависти. Многие исследователи указывают, что благодаря сионистской системе школьного воспитания подавляющая часть молодежи в Израиле буквально отравлена шовинистическим ядом. И корни этого явления уходят в прошлое. Так, запятнанная кровью невинных жертв профашистская организация террористов «Иргун Цвай Леуме» Менахема Бегина, которая действовала на территории Палестины еще до появления государства Израиль, в основном пользовалась услугами еврейской молодежи, из числа которой подбирались убийцы и насильники.

Соответствующая обработка населения в Израиле начинается с самого детства, когда подросток попадает в военизированные детские или юношеские организации. Потом она продолжается в кадровой армии и во время многолетнего нахождения молодых солдат в резерве. Как-то издающийся в Тель-Авиве журнал «Хаолам газе» провел среди различных групп израильских студентов анкету по вопросу о будущем арабского меньшинства в Израиле. Пять процентов опрошенных высказались за то, чтобы заточить арабов в концентрационные лагеря в пустыне Негев, а девяносто пять за то, чтобы их уничтожить. Когда же мать одного из опрошенных спросили, откуда у ее сына такое отношение к палестинским арабам, она ответила: «Этому его научили в школе...»

Мало того, что правящая сионистская верхушка Израиля растлевает душу молодого поколения, еще более важно для нее — поставить молодежь под ружье и ее руками осуществить бредовые планы создания «великого Израиля» от Нила до Евфрата.

И министерство обороны, которое точнее было бы назвать «министерством агрессии и экспансии», вкупе с наставниками из министерства просвещения взяло на себя руководство подготовкой ежегодно более 20 тысяч учащихся в возрасте от 14 до 18 лет в батальонах полувоенной организации «Гадна». Прошедший таким образом первичную обработку «полуфабрикат» пушечного мяса доводится «до кондиции» в поселениях и лагерях молодежной организации израильской армии «НоХАЛ» (Ноар Халуци Лохем). Основное назначение этих двух организаций — военная и идеологическая обработка молодых людей в соответствии с требованиями сионизма. Культивирование духа ненависти к иноверцам — важная составная часть идеологического воспитания молодежи — возложено государством на клерикалов. Не случайно главный раввин Тель-Авива Шломо Горен по совместительству занимает пост главного раввина израильской армии. Иудаизм превращен правящей верхушкой Израиля в орудие управления верующими, которым религия должна внедрить в сознание идею «превосходства» израильтянина над всем остальным человечеством.

Иудейскому религиозному комплексу присущи, например, такие особенности, как человеконенавистничество, проповедь геноцида и воспевание преступных методов достижения власти. На эту сторону иудаизма обратил внимание виднейший представитель материализма XVIII века французский философ Поль Анри Гольбах, сочинения которого классики марксизма-ленинизма относят к лучшим образцам атеистической пропаганды.

Перечисленные стороны иудаизма оказались удобными как для применения их среди верующих, так и среди атеистов, но стоящих на крайне националистических или откровенно шовинистических позициях.

«Священный» союз между сионистами и клерикалами достиг подлинного расцвета в государстве Израиль. Сионисты хотят уверить трудящихся, что «все евреи — одна семья», противопоставляя их неевреям, и клерикалы делают то же самое. Сионисты не перестают твердить, что евреи везде, кроме «земли обетованной», то есть Израиля,— чужаки; клерикалы слово в слово повторяют то же. Сионисты возлагают все свои упования на помощь сильных мира в империалистических государствах, клерикалы же защищают «богобоязненных» правителей в этих государствах против «безбожных коммунистов».

Как же осуществляется здесь воздействие религии на политику? Во-первых, следует учитывать, что религия во многом определяет политическую позицию верующего человека. Усыпляет его политическую активность и препятствует его участию в борьбе за общественное переустройство. Во-вторых, воздействие религии на политику связано с конкретными социальными учениями, проповедуемыми раввинами в синагогах Израиля. И, в-третьих, оно заключается в повседневной политической деятельности культовых организаций в армейских подразделениях, на фронте и в тылу, в различных социальных слоях израильского общества. Религиозные организации, будучи экономически и политически тесно связанными с правящими кругами, играют чрезвычайно важную роль в политической жизни Израиля. При этом государство всячески способствует усилению влияния религии на образование. В 1957 году в школьные программы был включен новый предмет «история еврейского народа». Под видом преподавания этого «предмета» школьникам вбиваются в головы идеи расового превосходства, их отравляют угаром религиозного фанатизма и национальной нетерпимости. Правовые религиозные нормы, существовавшие в далеком прошлом, сейчас не только возрождены в Израиле, но и подкрепляются всей силой государства.

«Смотри вперед с надеждой,
Не через прицел винтовки,
Призывай в своих песнях к любви...»

Это слова песенки, которая вызвала настоящую бурю негодования в правящих кругах Тель-Авива. Против песенки выступили члены кабинета Голды Меир. Разгневанные генералы потребовали ее запрещения ввиду того, что песенка, дескать, подрывает моральное состояние армии. А военные эксперты пришли даже к единодушному заключению, что она откровенно «проникнута антивоенным духом».

Власти одобряют другую песню, которая звучит по всему Израилю. Ее поют популярные артисты по радио, исполняют в концертах, продают в пластинках.

«Весь мир против нас,
Так было издавна.
И завет этот нам дали предки...
Все, кто против нас, пусть сгорят
в преисподней».

Газета «Гаарец» старается внушить народу, что эта песня «отражает настроения большинства населения Израиля». Сегодня в Израиле

определенные круги стараются о мире не говорить. Они живут войной и ее воспевают.

Культ армии не случайно приобрел невиданные масштабы. Военные маневры, заявления военных руководителей всячески превозносятся и рекламируются в печати, по радио и телевидению. Снимаются дорогостоящие пропагандистские фильмы, герой которых — израильский солдат, эдакая «белокурая бестия» сионистского образца.

По внешним проявлениям милитаризма Израиль оставил далеко позади многие страны. Всякий вновь прибывший на жительство в Израиль должен в обязательном порядке изучить официальный язык государства иврит. Не знающим языка власти отказывают в предоставлении работы — остаются недействительными их дипломы об окончании различных учебных заведений. Право на бесплатное начальное образование имеют только израильтяне до 14-летнего возраста. Большинство же прибывших в Израиль не могут воспользоваться им. Для них единственный способ изучить иврит — служба в армии, и изучение иврита занимает важное место в идеологической обработке военных кадров.

Перед солдатами Израиля заокеанские толстосумы, финансирующие агрессию, поставили цель «построить себе родину за счет арабов», и сегодня «цвет» израильской армии действует по рецепту гитлеровских палачей и американских убийц во Вьетнаме.

Сионисты готовят «пушечное мясо» для израильской армии не только в Израиле. Этим занимается в широких масштабах молодежный департамент Всемирной сионистской организации, под руководством которой выросла и сформировалась ныне известная на весь мир своими гнусными выходками бандитская «лига защиты евреев». Этот же департамент направляет деятельность Всемирного союза еврейских студентов, под вывеской которого обосновались вербовщики министерства обороны Израиля и сотрудники многочисленных секретных служб Тель-Авива. Каким же образом так называемые «культурные» и прочие организации за пределами Израиля вербуют массы молодежи в ряды израильских вооруженных сил? Оказывается, на этот счет есть указание бывшего премьера Израиля Давида Бен Гуриона, который поучал, что наиболее действенный способ привлечения иммигрантов в Израиль — страх перед преследованиями, и страх этот может быть порожден распространением «самых грубых форм антисемитизма». Такую задачу должны выполнять специально обученные молодые сионисты, которые будут маскироваться под неевреев, провоцируя евреев и сея среди них беспокойство и желание выехать в Израиль. Одновременно в тех странах, где существуют филиалы ВСО (таких стран насчитывается около 70), проводятся организованные массовые кампании привлечения молодежи к участию в деятельности сионистских организаций за пределами Израиля, а затем вербовка их в израильскую армию. Прибывшие в Израиль небольшие контингенты еврейской молодежи немедленно подвергаются интенсивному «промыванию мозгов», усиленной идеологической обработке в антиарабском духе. Для них существует курс так называемой «переоценки ценностей», или «моральной переориентации». И после прослушивания его только что испеченные израильтяне начинают верить в то, что в армии они выполняют «священную миссию» создания «третьего еврейского царства».

...Четверть века назад в Нюрнберге тринадцать ступенек до эшафота, где были установлены виселицы, стали завершающей чертой преступлений главарей гитлеровского «третьего рейха». И среди гнусных деяний их было названо моральное разложение, развращение молодого поколения Германии. Сегодня тем же путем идут главари сионизма, они безответственно играют судьбами не только народов Ближнего Востока, но вносят свою «долю» в осложнение международной обстановки и усиление напряженности.

Вполне естественно, что этот курс сионизма, полностью разделяемый правящей верхушкой Тель-Авива, вызывает растущее сопротивление прогрессивных сил Израиля, и прежде всего израильских коммунистов. В атмосфере общей военной истерии Компартия Израиля во главе с товарищем Меиром Вильнером выдвинула лозунг, ставший интернациональным: «Не с империализмом против арабских народов, а с арабскими народами против империализма!» Под влиянием борьбы израильских коммунистов и других прогрессивных групп и организаций в стране, которую ее хозяева хотели бы превратить в идеологический и оперативный центр международного сионизма, происходят серьезные социальные процессы, ослабевает угар милитаризма, появляются силы, требующие защиты действительных интересов широких трудящихся масс, требующих десионизации Израиля и превращения его в обыкновенное государство Ближнего Востока, прекращения иммиграции еврейского населения из других стран, установления прочного и справедливого мира на основе уважения прав всех народов этого района.

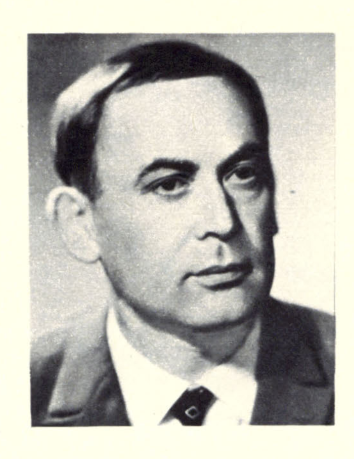

«Цвет» израильской армии действует по рецепту гитлеровских палачей и американских убийц во Вьетнаме.

Фото из журнала «Шпигель».

НЕЙ ДО ЭШАФОТА

Сергей ВИКУЛОВ

ОДН

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА
С ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ
ОТСТУПЛЕНИЕМ И ЭПИЛОГОМ.

1

Все было просто поначалу,
и все ж оно, начало,— там.

2

...Летела лодочка к причалу,
да так, что пена по бортам!

Да так, что белая рубаха
была мокра — не от дождя,—
да так, что ахала от страха
девчонка, с берега следя.

— Э-гей! — неслось по ветру с кручи.
— Э-гей! — мальчишка отвечал.
И гром гремел. И дождь блескучий
стеклянно брякал о причал.

Но вот лучи пронзили косо
седую тучу, и, крута,
взметнулась радуга над плесом,
как в жизнь широки воро́та.

А рыбачишка — до колена
на нем закатаны штаны —
все греб, веслом сшибая пену
с гривасто-яростной волны.

И ахал, видя, как — не шутка! —
летели брызги за корму.
И было весело, и жутко,
и было радостно ему.

И, глядя из-под мокрой челки
на берег, он из озорства
орал что было сил девчонке
веселой песенки слова.

Орал, захлебываясь синью,
орал, размашисто гребя,
большим-большим
и сильным-сильным
при этом чувствуя себя.

И пусть еще нигде он не был
и мало видел — что с того! —
вот это озеро и небо —
навеки родина его.

Все-все: и эта деревушка,
и эта темная стена
лесов за нею, и девчушка,
и дождь, и песня — все о н а.

Она — и стог на клеверище,
она — и пляска, как огонь,
с прихлопами по голенищам
под разлюбезную гармонь...

А впрочем, сам-то он покуда
того и не осознавал...
Летела к берегу «посуда»,
а он ей ходу поддавал.

Раз, раз! И лодка в травы носом...
И вот уж он на берегу
беспечно и простоволосо
бежит под радугу-дугу.

Бежит, как будто хочет диво
достать рукой, бежит, пока
дуга, фарфорово-красива,
не обвалилась в облака...

3

Мели снега. Дымились росы.
И шли дожди...
Мальчишка рос.

4

Однажды он с бригадой взрослых
попал на дальний сенокос.

На д а л ь н и й — это значит
где-то
за топким местом, за рекой.
И потому, конечно, летом
туда дороги никакой.

Туда до наледи, до снега
лишь только паре лошадей
обыкновенная телега
под силу — с харчем для людей.

Зато как кончится болото,
зато как вымахнут на луг
лошадки, мокрые от пота,
и подуставшая «пехота»,
уж то-то грянет праздник вдруг!

И молодой вовек и старый —
престольный праздник с е н о к о с.
...Телега проскрипит и станет
в тени лепечущих берез.

Тут и раскинет шумный табор
свои духмяные шатры.
К возку гурьбой подступят бабы
и сгрузят косы, топоры,
корзины, грабли, ведра, кружки,
а мужики — котел в свой срок...

И вскоре в глубине опушки
березам белым под макушки
цыганский вымахнет дымок.

Девчата же, звонкоголосы,
и парни, дьявольски ловки,—
не терпится — ударят в косы,
и лягут первые валки.

И о н, подставив плечи зною,
как ровня, тоже встанет в ряд.
И вдруг почувствует спиною
неравнодушный чей-то взгляд.

И руки каменно нальются,
и в уши вдруг ударит звон...
Но встать, внезапно оглянуться
не сможет он, не сможет он.

Лишь всю, до капли, вложит силу
в замах разбойный — пусть о н а
глядит, как косит он красиво,
как осыпает дождь росинок
травы зеленая стена.

Весь мир изменит та минута!
И будет жить он, молодой,
теперь уже под этой жуткой,
в его душе взошедшей круто
и ярко вспыхнувшей звездой.

И раз случится:
в полдень жаркий
о н и о н а плечом к плечу
листа смороды для заварки
нарвать отправятся к ручью.

И вдруг, как ласточка с ладони,
она помчится, хохоча:
мол, догони!.. И он догонит,
и на копну ее уронит,
и... поцелует сгоряча.

Но тут же, встрепанный, с испугом
отпрянет... сено отряхнет
с рубахи и, смущенный, лугом
за нею следом побредет
к кусту...

И, встретясь с нею взглядом
там, у куста, шепнет: «Прости».
И кисть тяжелых спелых ягод
протянет молча ей в горсти...

5

А вечером, когда с болота
туман накатится, когда
утихомирится работа
и всполоснет лицо страда;

когда повиснут руки праздно,
равно у сына и отца,
когда в них сил найдется разве
что комара смахнуть с лица;

когда леса охватит дрема
и воцарится тишина,—

А НАВЕК

Рисунки В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

легко, естественно, как дома,
родится песня. Чуть слышна...

Ее задумчиво подхватит
высокий бабий голосок
и молодой, озороватый,
почти мальчишеский басок;

и дружно, строя не нарушив,
ее подтянут, как вчера,
девчата, вкладывая душу...

И он ту песню будет слушать,
недвижно сидя у костра.

И луг пред ним виденьем странным
предстанет:
в отблесках зари
стога, сокрытые туманом,
уж не стога — на поле бранном
былинные богатыри.

Они бессменно на дозоре.
У них с бровей роса течет.
Их длани на мечах... И горе
тем, кто ручей пересечет!

Взойдет луна, зажгутся звезды,
и ухнет филин на сосне.
Церковно-белые березы,
о чем-то вспомнив в полусне,
вдруг залепечут на забытом
древнеславянском языке...

Всхрапнув, ударит конь копытом,
плеснется рыбина в реке.
Смешаются и быль и небыль...

Но сохранит навек душа,
но будет помнить, где б он ни был,
и этот луг и это небо
с луной над крышей шалаша.

6

Минует год. И вновь на пожни
крик журавлей с небес стечет.
И мать, печалясь,
подорожник
ему в то утро испечет.

И хлеба припасет, и соли,
и медовухи сверх того...
И будет первое застолье
в избе родимой в честь его.

Он с праву руку батьки сядет
и чаркой чокнется хмельной
с ним первым,
с матерью и дядей,
и всей роднею остальной.

Впервые чокнется на равных.
Отец вздохнет: — Ну, что ж, давай.
Как говорят, служи исправно...
Команды слушайся... А главно —
родителей не забывай...

А коли что, так... Понял? Грудью!
Не опозорь, мотри, отца!
Ну, дай бог, э т ы е не будет...—
И выпьет первым до конца.

Потом рассыплет дробь гармошка,
и выйдет он на круг: «Гляди,
запоминай, на кофте брошка!»
И покуражится немножко,
рванув рубаху на груди.

И в пол с такою силой бухнет —
пускай родня не укорит,—
что даже в кухне, даже в кухне
посуда вся заговорит!
Ах! Пусть отец в него поверит
и перестанет мать тужить:
он не юнец по крайней мере,
хотя еще и не мужик.

Но есть характер, есть характер
и у него! Он в батьку весь.
Пусть пожалеет председатель,
когда его не станет здесь.

Пусть, расходясь домой с вечерки,
когда снега, когда дожди,
все посочувствуют девчонке,
вот этой, с брошкой на груди!

Не год, а три хранить ей свято
любовь... А впрочем, что гадать!

Ведь служба срочная солдата
всегда бессрочной может стать.

Его судьба, как в море лодка,
когда в тумане берега...
Ах, не ревнуй его, молодка,
теперь он Родине слуга!

7

Девчонка преданно и верно
ждала его. Он должен был
домой вернуться в сорок первом...
Но раз
трубач безусый
нервно
полку тревогу протрубил.

«Та-та! Та-та!»
И вслед, как вспышка:
«Война!»
Откуда-то взялáсь
под самой ложечкой
ледышка,
и стужа в жилы пролилáсь.

Война!
Приказ читался строю.
Он слышал, стоя в том строю,
плечами плечи, а рукою —
винтовку верную свою.

И думал: если он споткнется —
а на войне не без того,—
конечно, строй опять сомкнется,
но без него...

На одного
он будет у́же, будет у́же!
И пуля грозная в стволе
замрет...
Ах, как он будет нужен,
солдат, своей родной земле!

Ее зеленые одежды,
селенья — в пламени, в дыму...
Сегодня
более, чем прежде,
она, великая, в надежде
на сыновей. И потому
он должен жить!

И через бруствер
того окопа — знай же, враг! —
где он с винтовкой станет, русский,
не переступишь просто так!

Мозоля руки на затворе,
еще и то ты не учел,
что с русским
в радости и в горе
сто братьев! Сто — к плечу плечом!
И ныне — вот они, с ним вместе:
брат украинец, брат казах...

8

Но шли худые с фронта вести
в деревню тихую в лесах.

Ах, должность горестней была ли
в войну еще,
чем почтальон...
Как дрожко бабы замирали,
когда входил в деревню он!

Какая им, бессчастным, мука
была, зажав ладонью рот,
гадать,
когда он, до заулка
дойдя, свернет иль не свернет.

Как им хотелось, чтоб свернул он,
как было страшно, что свернет.
Как трудно было встать со стула,
когда стучал он у ворот!

Уж проходил бы лучше мимо...
Надежда б все-таки была,
что жив кормилец, жив любимый,
воюет, делает дела.

А что не пишет долго — диво ль!..
Бумаги нету, может стать.
А может, носит на груди он
письмо, да не с кем переслать.

А почтальон — и слаб и стар он:
ему бы греться на печи —
те извещения без марок,
как будто камни, волочил.

И каждый раз, как баба, рухнув
снопом,
бывало, заревет,
он говорил: «Поплачь, горюха,
поплачь — скорее заживет».

И выходил, толкнувши слабо
и раз и два тугую дверь...
И вновь за ним следили бабы:
к кому же он свернет теперь?
К кому же?!.

И сбегались вскоре
толпой в сиротское жилье,
чтобы обвыть чужое горе,
обвыть, предчувствуя свое...

9

Ему б теперь пахать землицу,
п а х а т ь! А он ее к о п а л.
Похож на раненую птицу,
полк третий месяц отступал.

Но бились роты, бились роты,
порвав рубахи на бинты,
за безымянные высоты,
за деревянные мосты.

За сенокосы и за пашни,
за села и за хуторки.
И — было дело — в рукопашных
не раз кровавили штыки!

И отходили, обессилев.
«Твоя, фашист, пока берет...
Но погоди, тебе Россия
еще покажет, кляп те в рот!
Еще узнаешь ты, придурок,
умывшись кровью,
сколь она,
увеселительных прогулок
была занижена цена!
Гуляй, да помни, гад, дорожку...
Разбойничать в своем дому —
Россия этакую роскошь
не позволяла никому».

Так думал он, ступая тяжко,
и так бодрился он, солдат.
Давно хотелось пить, но фляжка
пустая билась о приклад.

И черенок саперной малой,
свисая, стукал по бедру.
Хотелось спать, но предстояло
опять рубеж занять к утру.

А это значит, что оружье
сними с плеча, скатай ремень
да и копай, копай поглубже —
как знать, каким он будет, день.
Как знать...
И он копал, пехота.
Копал, стирая пот с лица.
«Война, ребятушки,— работа.
Ее — охота не охота,
а надо сделать до конца.
Чтоб — точка, все!..
Какой бы тяжкой
она, подлюка, ни была».
И добавлял: «Меня в рубашке,
ребята, мама родила.
А это значит, что пройду я
весь, до конца, мой трудный путь,
и мама голову седую
еще приклонит мне на грудь...»

10

Ах, мама...
Было так однажды:
прорвавшись все же через мост,
рванулись с ревом цепи вражьи
к его окопу в полный рост.

И он, к плечу придвинув туго
приклад и крепко сжав цевье,
почти с мальчишеским испугом
в тот миг подумал про нее.

Мелькнуло: будто бы он в доме
своем, за ко́ндовой стеной.
И вот они, враги, в проеме
окна... А мама — за спиной.

И видит он: рука бандита
уже наводит пистолет
в нее. И он — ее защита,
одна, другой защиты нет.

О, как тогда в нем кровь вскипела!
С каким он тщаньем: «Нате вам!» —
прошелся прорезью прицела
по ненавистным головам!

Как заметался враг, ошпарен
свинцом!..
А он... О, как же он
был пулемету благодарен!
И даже взрывом оглушен,
вел бой...

И, целясь вновь под горку
из пулемета, ликовал
и злой его частоговорке
на миг умолкнуть не давал.

И нет, не страх
(да мало ль видеть
ему за эти дни пришлось!),
в его душе жила обида
в тот миг.
И гнев еще. И злость.

И в самом деле, не обидно ль,
что пришлая вот эта с п е с ь
его решила сделать быдлом,
с хлыстом ему на шею сесть?!

Чтобы, сгибаясь перед нею,
забыл он, русский человек,
все, чем он жил...
И чем скорее,
тем лучше!
Все забыл навек!

И потому ей надо, спеси,
под грохот бомб, в дыму разрух
пройти все грады и все веси
и утвердить во всем свой дух!
И коваными сапогами
примять траву над бережком,
где он косил... И опоганить
родное озеро плевком.
То самое, где у мосточка
сверкает рыба серебром
и мать, повязана платочком,
идет по тропочке с ведром...

11

Публицистическое отступление

Достойна славы и печали
судьба ровесников моих —
ребят, родившихся в начале
двадцатых...
Я сейчас — о них.

В тот год, когда их колыбели
качнулись, взмыв под потолки,
еще не шубы, а шинели
носили в селах мужики.

Они вернулись в край родимый
лишь год назад — была война.
И пахло порохом и дымом
от их дырявого сукна.

Ах, этот запах...
Нет, едва ли
какой был более знаком
мальцам. Они его впитали,
как говорится, с молоком.

И в годы первые и после
он, как начало всех начал,
их представления о взрослых
всего наглядней воплощал.

Он веял в лица им, бедовым,
когда — отрядом на отряд —
они за домом Марьи вдовой
играли в «красных дьяволят»,
рубали с гиком «белых гадов»...

И не было у них, мальцов,
ни булочек, ни шоколадок,
ни даже просто леденцов,
ни «ружей» и ни «пулеметов» —
стругали доски для игры...

Но было что-то, было что-то
у них тогда, у желторотых,
важней всей этой мишуры!

Оно вило́сь над их ватагой
незримо... И уже в те дни
сердца их полнило отвагой,
и были сча́стливы они!

И выше не было награды
для них с тех пор
во все года,
как удостоиться лишь взгляда
отцов
и слова иногда:
мол, так держать!
И новой схватке
отдать все силы до конца.

Одно у них тогда в достатке
и было — преданность отцам!

И шли они по их заданьям
в порыве юности святом
пахать, учиться, строить зданья...
Любовь при этом и свиданья —
все оставляя на потом.

«Потом, потом...» — склонясь устало
над недописанным листом,
твердили мальчики, бывало...
Ну, а «потом» войною стало
и стало гибелью «потом».
Ах, сколько же их, затаенных:
«Люблю тебя, тебя одну!»,—
ни разу не произнесенных
вслух,
так и сгинуло в войну!

Ах, сколько же без вас, ребята,
поблекло губ, потухло глаз

М. Чижов. ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗИМЫ.

В. Липицкий. ПЕСНЯ ЛЕЛЯ.

П. Давыдов. ЗИМА НА СЕВЕРЕ.

В. Антонов. «КОНЕК-ГОРБУНОК».

и залежалось кофт несмятых
и платьев, сшитых про запас.

А сколько хромок синемехих,
у вас гостивших на руках,
обезголосело навеки,
рассохлось в старых сундуках.

Все-все, чем юность так богата,
чем вечно молодость жива,
швырнули вы в огонь, ребята,
охапкой полной, как дрова.

Швырнули в самую середку
огня... И ваша ли вина,
что не спалила сразу глотку,
а поперхнулась лишь война?!

Что оказалось мало, мало
ей, вами шлепнутой под дых,
ран ваших, крови вашей алой
и жизней ваших молодых.

И ты казни, мой стих, презреньем
тех, кто, болтая про войну,
сегодня ваше отступленье,
ребята, ставит вам в вину.

Да, отступали вы... Но каждый
сто раз тот горький проклял путь!
Да, шли назад... Но пули вражьи
вас убивали только в грудь!

И, защищая каждый город
на берегах родимых рек,
вы заслужили не укора,
а благодарности навек!

12

И все-таки в ее заулок
он завернул в тот день, старик.
Взглянула — и захолону́ло
под сердцем, и присох язык
к зубам...

Едва хватило силы
принять дрожащею рукой
конверт...
И вдруг: — Дедуся, милый!
Ах!..— И к его щеке щекой.
И закружилась с ним в обнимку:
— Он жив! Он жив!
— Ну, дай-то бог...

Старик растроганно слезинку
сморгнул и вышел за порог,
дивясь, что сумка легче стала...
Она ж, присев возле стола,
сперва конверт к губам прижала
и лишь потом надорвала́.

«Любимая!» — И лист неровный
вдруг задрожал в ее руках,
и в голубых ее, огромных,
предчувствием разлился страх.

И стал белей бумаги палец,
следивший дрожко за строкой...

«Любимая! Мы отступаем.
Уже все наши за рекой...
Здесь только мы. А мост не взорван...
А мост уже в руках врага.
И наш комбат сказал:
«Позор нам!»
И: «Добровольцы, два шага
вперед!»
И, сколько нас осталось
в живых, мы разом все к нему!
«Что ж, браво!» — бросил он устало.
И пятерых, по одному,
из строя вызвал...
Третьим с краю
встал я.
И он, суров и прям,
сказал: «На смерть вас посылаю.
Пишите письма матерям».
Потом добавил: «И невестам.
В распоряженье вашем час».

И вот, посуше выбрав место,
я и пишу... Последний раз
пишу тебе... Прости, что почерк
так неразборчив. Ты должна
понять: мне часа мало очень,
чтоб все сказать...
Мне жизнь нужна!

И я спешу, спешу! И сразу ж
хочу о главном...
Минет срок —
и ты, конечно, выйдешь замуж.
(Я понимаю: я жесток...
Но ты ведь — кто тебя осудит! —
ты выйдешь, верность мне храня.)
И у тебя сынишка будет,
пусть непохожий на́ меня,
пусть...

Но хочу я, чтоб мальчонка
был у тебя. На все горазд...
И чтоб соломенная челка
на лбу... И крапинки у глаз.
Чтоб узнавала средь мальчишек
ты даже издали его.
И чтоб однажды он услышал
рассказ твой грустный про того,
кто так хотел (прости мне это
признанье)
стать его отцом...
Да не судьба вот... Сгинул где-то.
Неважно где... Он был бойцом.

И ты... однажды ты поведай
ему, оставив все дела,
что он не дожил до победы,
но умер, чтоб она была.

Чтоб снова добрым людям в лица
ударил свет, рассеяв тьму,
чтоб он, курносый, мог родиться,
и чтоб жилось добро ему.

Чтобы его утрами тропка
то в лес, то к озеру вела.
Чтоб гром гремел, летела лодка
вперед
и радуга цвела!

И чтобы молнии, как спички,
ломались, чиркнув об дугу.
Чтоб чья-то девочка с косичкой
ждала его на берегу...
Любимая! Прощай... И снова
кричу из дыма и огня:
— Лю-би-ма-я!..
Но это слово
услышишь ты уж без меня».

13

Два... Три... Четыре года длинных
вдовела,
каменней ствола,
промерзшего до сердцевины:
чего-то все еще ждала.

В укор забывчивым и слабым
ждала...
И часто, черный плат
надвинув на́ лоб, Ярославной
в слезах глядела на закат.

Ждала в полях, ждала в деревне,
ждала, тиха, среди подруг,
ждала, на все разуверенья
одно ответствуя:
— А вдруг?!
А вдруг он жив?
А вдруг от взрыва
он увернулся? Дива нет...
И ночь его от пули скрыла,
и лес его припрятал след?
А вдруг он вышел к партизанам?

...А по ночам под шорох вьюг
с полузакрытыми глазами
лежала, думая:
— А вдруг
о нем вот это: «Слава... павшим...»
И значит (мысли нет больней),
и значит, я сегодня старше
его?! Почти на тыщу дней!
На тыщу дней!!!

И лились слезы.
И стылой веткою давно
скреблась, как странница, береза
в заиндевевшее окно...

14

Эпилог

Ну, вот и прибыл он, мой поезд
к черте предельной. В добрый час!

Спасибо, друг, тебе за повесть,
что ты поведал мне в тот раз.

Я не добавил «ради темы»
ни слова, помня твой завет.
Взгляни, за рамками поэмы
осталось двадцать с лишним лет.

И то, как, с ходу взяв крылечко,
не без подмоги костыля,
ты дернул ржавое колечко
и крикнул: «Мама, это я!»

И как, не сняв еще пилотки,
спросил, подавшись весь вперед,
одним лишь взглядом только:
«Ждет ли?!»
И побледнел, услышав:
«Ждет».

И как, окрепнув помаленьку
пошел махать косою всласть...
Как в тихой вашей деревеньке
в то лето свадьба завелась.

Как поразвихрились по дому
(«Ой, где же наши-т мужики?!»)
в тот вечер пьяные подолы
и береженые платки.

И хоть кричали по старинке
все «Горько! Горько!» вкруг стола,
а свадьба
больше на поминки
похожей все-таки была.

И этим только, если честно,
всем и запомнилась она.
Одна не плакала — невеста,
отныне мужняя жена.

Счастливо, радостно, широко
глядела: милый рядом был...
И все ж никто ее упреком
в тот светлый час не оскорбил.

Никто не бросил безрассудно
словца, что загодя припас...
Друзья! А я, когда мне трудно
бывает,
вспоминаю вас.
И распрямляюсь снова, светел,
и мыслью, верою согрет:
пока вы есть на белом свете —
он будет белым,
этот свет!

Уже три года нашей встрече.
А я забыть все не могу
ни тот, с зарей вполнеба, вечер,
ни тот костер на берегу;

ни ту, под парусом, лодчонку,
вдали — а даль была чиста,—
ни ту с косичками девчонку,
за ней следящую с плота;

ни ту грустиночку, что стыла
в тот самый миг у вас в глазах
о том, что все вот это было
здесь много-много лет назад...

Оживленно на улицах Гамбурга

Юрий ЖУКОВ

ГАМБУРГСКИЕ

СПУСТЯ 47 ЛЕТ...

Не скрою, с неописуемым волнением ждал я встречи с Гамбургом; в сердце покалывало тонкой ледяной иголочкой, пока мы мчались на бешеной скорости через знаменитую Люнебургскую пустошь, приближаясь к тонкому, как бумага, песчаному прибрежью Северного моря, и мой неутомимый спутник, корреспондент «Правды» в Федеративной Республике Германии Евгений Григорьев, лихо правя своим «мерседесом», снова и снова принимался рассказывать о своих недавних встречах с гамбургскими докерами, газетчиками, владельцами фирм, политиками, об этом удивительном и не похожем ни на один другой город ФРГ. А я слушал его, и передо мной вновь и вновь вставал другой Гамбург — Гамбург баррикад, тот Гамбург, который оставил неизгладимый след в памяти моего поколения своим безумно смелым восстанием в октябре 1923 года и был запечатлен Ларисой Рейснер в ее знаменитой книге, которой мы все тогда зачитывались,— она так и называлась «Гамбург на баррикадах».

Лариса Рейснер прошла по еще горячим следам того гамбургского октября, она виделась с его героями, и в том числе с легендарным товарищем «Т.» — с самим Эрнстом Тельманом, который был вожаком рабочего Гамбурга и руководил восстанием, «устроившись,— как она писала,— со своим аппаратом летучей связи прямо под открытым небом в одном из общественных парков». Восстание тогда в силу многих причин потерпело неудачу, но оно, как подчеркивала Рейснер, не было сломлено ни в военном, ни в политическом, ни в моральном отношении, и в массах не осталось горечи поражения. Оно явилось выдающейся демонстрацией революционного потенциала рабочего класса этого города, и опыт, приобретенный тогда, пришелся как нельзя более кстати в тягчайшие годы подпольной войны с фашизмом, а неистребимый вольнолюбивый дух рабочих Гамбурга жив и по сей день, хотя очень и очень многое изменилось за эти сорок семь лет, и нынешняя действительность этого города, конечно, совсем иная, чем была в том городе, который открылся взору Ларисы Рейснер, когда она примчалась сюда в 1923 году.

И все-таки, все-таки... Я раскрываю ее великолепную книгу, перечитываю памятные строки и вижу тот самый — да, тот самый! — город, который увидела и столь изумительно описала она: «Непромокаемый, как лоцманский плащ, дымящийся от сырости, вонючий, как матросская трубка, согретый огнями портовых кабаков, веселый Гамбург, который стоит под проливным дождем крепко, как на палубе, с широко расставленными ногами, упертыми в правый и левый берег Эльбы». И еще: «Эльба, этот старинный, грязный и тепловодный постоялый двор морских бродяг, непрерывно отстраивает и расширяет свои мощенные бетоном задние дворы. Здесь морские лошади сбрасывают поклажу, жрут нефть и уголь, чистятся и моются, пока капитаны дают взятки таможне, поправляют счета и бреются, чтобы ехать к семье на берег, а команды дружно засыпаются в Сант-Паули — квартал кабаков, лавочек готового платья, ломбардов». И еще: «Над трамваем в темноте висит железная дорога, над ней — короткие, светящиеся ленты электрических поездов, и все они выбрасывают на мостовую армию докеров, сотни тысяч рабочих... Каждый отряд собирается возле своего мастера; в черноте просмоленных курток, из-за спин, горбатых мешками с инструментом, как у штейгера, светится масляный огонек. После переклички полки рабочих распределяются на сотни пароходов, развозящих их по верфям и заводам».

Может быть, кое-что и изменилось в деталях, но, право же, и сегодня, 47 лет спустя, Гамбург все тот же, город-работяга, умеющий уди-

Молодежь Западной Германии говорит свое решительное «нет!» агрессии и войне.
Фото Е. Григорьева и телефото АДН — ТАСС.

вительно весело жить, трудиться и, когда истощается терпение, огрызаться на сильных мира сего. Здесь на многие вещи смотрят иначе, чем в Бонне, и, во всяком случае, по-другому, нежели в Мюнхене, хотя — не будем этого забывать — здесь же, в Гамбурге, свил свою паутину апостол контрреволюции, могучий властелин самой реакционной прессы в Европе Аксель Цезарь Шпрингер, который фабрикует три из каждых четырех экземпляров газет, продающихся в киосках, и здесь же обитают многие весьма влиятельные лица, которым хотелось бы и здесь распространить мюнхенские политические веяния...

И не случайно — нет, не случайно! — сильной и коварной партии христианских демократов, которая свыше двух десятилетий удерживала Федеративную Республику Германии под своей давящей властью, так и не удалось ни разу захватить в свои руки контроль над Гамбургом — правящий в нем сенат всегда оставался в руках социал-демократов. И хотя, конечно, социал-демократы — это всего лишь социал-демократы, но в нынешних условиях ФРГ и такой факт говорит о многом. Не случайно, видимо, и то, что хотя Коммунистическая партия Германии в ФРГ все еще остается под запретом, но коммунисты здесь работают открыто, а в рабочем районе, который был в 1923 году центром восстания, я увидел легально существующий мемориальный музей ее вождя Эрнста Тельмана.

Мы приехали к этому чудом устоявшему в пору адских бомбежек 1945 года обычному пятиэтажному без всяких архитектурных украшений, рабочему дому под вечер в воскресенье. Музей был закрыт, но у висевшей на стене памятной доски лежали свежие цветы, а в витрине были заботливо размещены фотографии и вырезки из газет, посвященные не только памяти Тельмана, но и событиям сегодняшнего дня.

На доске я прочел:

«Помни! В этом доме жил Эрнст Тельман, председатель Коммунистической партии Германии. Он родился 16 апреля 1886 года в Гамбурге, был арестован гестапо 3 марта 1933 года в Берлине и убит после двенадцатилетнего заключения 18 августа 1944 года в концлагере Бухенвальд».

Я присмотрелся к витрине — там была выставка, посвященная подписанию договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 года, и рядом — многозначительные и полные глубокой убежденности слова Эрнста Тельмана: «7 ноября 1917 года является началом величайшего переворота в истории человечества. Решительная победа русских рабочих, крестьян и солдат над объединенными силами помещиков и капиталистов изменила лицо мира. Ныне в мире не происходит ни одного значительного политического события, которое не испытало бы на себе влияния самого факта существования Советского Союза. В истории классовой борьбы началась новая эпоха». Тельман написал эти строки в «Гамбургер фольксцайтунг» 7 ноября 1925 года.

Много воды утекло в Эльбе с той поры, много крови было пролито, путь истории сложился иначе, чем он представлялся гамбургским докерам, которые вслед за парижскими коммунарами решились штурмовать небо в октябре 1923 года, но есть уже на старой германской земле первое в истории этого народа социалистическое государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика, а дети и внуки ровесников Тельмана продолжают начатое им дело наперекор невероятно трудным условиям, все еще существующим в ФРГ.

Возивший нас по Гамбургу старик шофер, заметив, что я что-то записываю у той витрины, вдруг сказал внешне бесстрастным голосом: «А я его слышал.— И потом настойчиво повторил: — Да, я его слышал. И Розу Люксембург слышал. Она выступала у нас на митинге. Это было в восемнадцатом году. У Дома профсоюзов.— Помолчал и добавил: — А восстание было вот здесь, в этом самом рабочем районе. Я тогда был, можно сказать, мальчишкой, но все помню. Сильная стрельба была. Трамваи лежали на боку, перевернутые. Везде баррикады.— Помедлил еще и сказал: — И еще хочу, чтобы вы записали: я в профсоюзе пятьдесят один год, а членом партии Гитлера не был никогда. Никогда». Он замолчал, словно утомленный длинной речью.

Это был неразговорчивый старик. Но мне показалось, что ему нужно было сказать советскому человеку то, что он сказал.

Всякие встречи бывают в Гамбурге и всякие разговоры. Жители этого города, вообще говоря, за словом в карман не лезут, но жизнь приучила их, когда это необходимо, взвешивать свои слова. Однако специфический гамбургский дух иной раз прорывается самым неожиданным образом. Вот студент пятого курса ведет нас по своему университетскому городку. Нам сказали, что юноша этот — христианский демократ, но вдруг он заявляет мне, что его партия окостенела, что молодежь ее презирает и что он сам после восьмилетнего пребывания в ее рядах решил порвать с нею. И вообще он согласен с теми студентами, которые протестуют против нынешней социальной системы. Наш собеседник с удовольствием показывает нам опустевшие пьедесталы, с которых по требованию студентов сорваны статуи основателей университета. «Это были грязные колонизаторы, и сам университет был колонизаторским». Правда, ему самому еще не очень ясно, за что он сам выступает, но, во всяком случае, он и его друзья знают, чем они недовольны.

Я далек от мысли, что этот бунтарский дух представляет собой уже сейчас некую оформившуюся систему политических взглядов и что в сегодняшнем Гамбурге можно ждать каких-то незамедлительных важных перемен в политической жизни,— долгая черная ночь фашизма и

ПРОГУЛКИ

еще более долгий послевоенный период, когда в Гамбурге, как и в других западногерманских городах, безжалостно и методично подавлялось все несогласное со старым образом жизни, сделали свое дело. Но дерзкий и непослушный дух, воплощением которого уже многие века служит легендарная фигура лихого водоноса Гуммеля,— ему стоит здесь памятник — дерзкий и непослушный этот дух нет-нет да и прорывается на поверхность. «Мы в Гамбурге действуем и говорим по-иному, чем, скажем, орудуют в Мюнхене»,— сколько раз я слышал эту фразу!

ГАМБУРГ ТОРГУЕТ

Когда обдумываешь свои впечатления от гамбургских прогулок, в памяти возникает еще одна сторона бытия, существенно отличающая этот город от многих других городов Федеративной Республики Германии: это независимый и смелый подход к проблеме связей и сотрудничества с социалистическими странами, все еще вызывающей в той стране бурные дискуссии и споры. Гамбург решительно выступает за развитие этих связей.

Не только демократические круги города, но и сам купцовский Гамбург, его торговая и промышленная элита, славящаяся со времен старинной Ганзы своим умением находить потребителей и вести счет барышам, все больше приходят к выводу, что жить дальше так, как этого требуют христианско-демократические мумии из Бонна и Мюнхена, вовсе ни к чему...

Я никогда не забуду сцен, которые мы увидали на знаменитом Рыбном рынке, что плещется, ревет, вопит и смеется хриплым смехом своим на узкой, мощенной грубым булыжником полоске земли у самого берега, к которому причаливают загруженные до краев только что выловленной в Северном море рыбой сейнеры с многозначительным девизом на рубке «Нас хранит бог». Там торгуют не только рыбой. Потребовалось бы перо Грина или Паустовского, чтобы описать этот удивительный, пахнущий солью и пряностями, сырой рыбой и запахом роз, заваленный грудами невероятных экзотических сувениров, привезенных мореплавателями из самых дальних морей, изобилующий самыми невероятными товарами рынок.

Нам предлагали полутораметровую раковину из Индийского океана, створки которой беззвучно захлопываются, едва зазевавшаяся рыба скользнет в ее глубокую пасть, и живых бурундуков; сушеную, всю в иглах рыбу-шар, и молодые гималайские ели; говорящих попугаев и слоновых черепах; пестрых, как радуга, фазанов; изделия африканских

кустарей и резанные из кости статуэтки, сработанные жителями Лапландии; почтовые марки с острова Маврикия и испанский виноград. И до чего же весело и изобретательно орудовали продавцы, эти здоровенные краснолицые парни и девушки, в совершенстве владеющие знаменитым гамбургским жаргоном,— помните, у той же Ларисы Рейснер: «Язык, на котором здесь говорят,— язык Гамбурга. Он насквозь пропитан морем; солон, как треска; кругл и сочен, как голландский сыр; груб, пахуч и весел, как английская водка; скользок, богат и легок, как чешуя глубоководной редкой рыбины, медленно задыхающейся среди карпов и жирных угрей, трепещущих влажной радугой в корзине рыбной торговки...»

Помню, как рыбная торговка, видать, хозяйка своего торгового дела, хватала одного за другим длинных, сверкающих жиром копченых угрей, с неимоверным треском шлепала ими по хрустящей оберточной бумаге и царственным жестом швыряла их направо и налево дюжим помощникам, которые, в свою очередь, предлагали этот соблазнительный товар сгрудившейся вокруг толпе. А сама торговка, потрясая очередным угрем над головой, весело кричала хриплым басом, ведя диалог с покупателями: «Один за десять марок, два за двенадцать, дешевле отдать не могу. За одиннадцать? Ступай, приятель, к моему брату, но он скучный торговец, а я тебе в придачу расскажу соленый анекдот. Неужели тебе жалко марку за анекдот?..»

И тут же она сыплет действительно солеными анекдотами, подобранными на мостовой матросской улицы Реепербан,— такими рискованными шутками и прибаутками, что даже закоренелые морские волки, обступившие эту лихую торговку, крякают от неожиданности, и торговля идет необычайно бойко: никому здесь не жаль марку за соленый анекдот.

Да, умеют торговать на Рыбном базаре в Гамбурге. Но в этом городе умеют делать и куда более крупные, действительно серьезные дела, когда речь идет не о марке и не о сотне или тысяче марок, а о больших миллионах. Мы убеждаемся в этом, совершая экскурсию по порту. Нас везет начальник гавани на своем быстроходном катере, и с ним целая свита дельцов. Нам вручают великолепные проспекты, схемы, целые кипы документов, и лучшие специалисты дают свои пояснения: должны же мы понять, что Гамбург и только Гамбург, а не Роттердам и не Антверпен наиболее выгоден для советского торгового флота как транзитный порт!

На нас обрушивается ливень, град, ураганный поток цифр, фактов, примеров. О, Гамбург, и именно Гамбург, заверяют нас, со своими 290 километрами причальной линии и неисчислимым количеством кранов и машин запросто может обслужить сто пятьдесят кораблей в сутки, а обслуживает пока что лишь около ста; его грузооборот уже в 1969 году составил сорок один миллион тонн, а в 1970 наверняка достиг сорока семи — сорока восьми; до войны, заметьте, он был равен лишь тридцати двум. Четырнадцать тысяч докеров трудятся здесь день и ночь, работая в три смены,— лишь пять дней в году порт отдыхает: на Новый год, в пасхальное воскресенье, 1 Мая, в первый день троицы и в первый день рождества. Если вам нужно отремонтировать корабль, к вашим услугам будут отличные плавучие доки.

Я слушаю начальника гавани, заношу эти данные в блокнот, а катер мчит нас все дальше и дальше среди великолепного обилия обступивших нас красок, запахов, звуков. Рокочут могучие машины, грохочут лебедки, скрипят мостки, весело перекликаются докеры и моряки, гулко раскатываются могучие гудки больших и малых кораблей, вальсирующих в гавани,— здесь шестьдесят три квадратных километра воды, и все же кажется, что им тесно. Коричневая, с радужными разводами от нефти Эльба, ярко-синее небо,— эх, и выдался же сегодня на удивление солнечный денек! — ярко-зеленые парки Бланкенезе на холмистом берегу, красный кирпич старинных зданий, серый бетон новых строений, малахитовая зелень медных шпилей соборов — Гамбург всем видом своим манит заезжих гостей. А над водой волнами плывут бередящие воображение запахи, напоминающие о дальних экзотических странах,— то пахнет на тебя ванильное или коричное облако, то охватит тебя бодрящий аромат кофе — его отлично варят в прибрежных тавернах,— то вдруг потянет острым запахом нефти или напомнит о своем существовании близлежащий химический завод.

А начальник гавани и его помощники повествуют о том, как был возрожден этот семисотпятидесятилетний порт после того, как он был почти полностью уничтожен войной.

Десять лет понадобилось для того, чтобы разобрать руины и заново отстроить город и порт,— было вывезено тридцать пять миллионов тонн обломков; этого хватило бы, чтобы наполнить поезд, который растянулся бы на три четверти экватора. Реконструкция порта обошлась в два миллиарда марок, и уже в 1954 году порт принял и обслужил корабли, пришедшие из сорока четырех стран. «В конечном счете,— говорит начальник гавани,— мы выиграли в соревновании с конкурентами. Ведь мы все создавали заново, а следовательно, приобретали самое современное оборудование и планировали погрузку и разгрузку вровень с требованиями века...»

РЕАЛЬНОСТЬ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИХ СВЯЗЕЙ

Да, порт жил полнокровной, напряженной жизнью. Всюду на причалах кипела работа. Сновали автопогрузчики, рычали гигантские грузовики и тракторы, мерно вздыхали насосы, выкачивавшие из трюмов огромных судов нефть, масло, вино, зерно, уходившие по трубопроводам. У одного из причалов мы заметили большое скопление чехословацких самоходных барж. Наши спутники тут же пояснили: двадцать процентов — одна пятая всего грузооборота Гамбурга — приходится на долю социалистических стран, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи. Самая большая часть принадлежит Чехословакии — 1 200 000 тонн грузов в год. Чехословацкие самоходные баржи идут сюда по системе рек и каналов через ГДР, и здесь грузы переваливаются на борт морских и океанских кораблей. Поэтому у Чехословакии тут постоянные причалы.

Но наибольшую заинтересованность наши собеседники проявили в вопросе о развитии морских связей ФРГ с Советским Союзом — ведь уже сейчас Гамбургский порт обслуживает множество советских судов. Мы прошли на катере мимо целого ряда кораблей с красной полосой и серпом и молотом на трубе. Вот «Сангарлес»; он только что привез горы бревен, купленных фирмами ФРГ в Советском Союзе. «Братск» прибыл из Южной Америки; он вез к нам бычьи и овечьи шкуры, а здесь, в Гамбурге, попутно добирал еще какой-то груз. «Николай Кремлянский» доставил из Судана в ФРГ хлопок. «Маршал Говоров» пришел из Марокко; он привез фосфат для ГДР, тут его перегружали на самоходные баржи, которые должны были уйти вверх по течению Эльбы.

Но больше всего меня поразило появление в Гамбурге речного советского судна «Сормовский-7». Как оно появилось здесь? Оказывается, сейчас действует необычайно интересная комбинированная линия: Северное море — Балтика — Волгобалт — Каспий. И «Сормовский-7» готовился принять грузы для далекого Ирана.

«Отсюда до Пехлеви они доберутся за каких-нибудь двенадцать дней,— заметил начальник гавани.— А если бы эти грузы отправить океаном вокруг мыса Доброй Надежды, их доставка отняла бы 36 суток! Кстати, по этой же линии — через Волгобалт — мы отправляли оборудование для советского автозавода в городе Тольятти...»

«У нас есть еще одна интересная идея,— вмешался в разговор руководитель фирмы Гертнер, обслуживающей в Гамбурге советские корабли.— Может быть, вам она покажется фантастической, но, уверяю вас, игра стоила бы свеч, как говорят французы. Ваш грузооборот, идущий через Гамбург, растет и будет возрастать еще больше. Сейчас он осуществляется главным образом по морю. Но ведь пропускная способность ваших балтийских портов имеет свои лимиты, а Гамбург и другие порты ФРГ пока еще располагают большими резервами; в частности, наша гавань в ближайшее время будет существенно расширена. Сейчас вы пустили в ход свой международный автотранспорт — ваши грузовики уже идут по дорогам Европы. Это очень хорошо, и мы уже ведем дела и с вашей организацией, ведающей международным автотранспортом. Но еще большее значение для доставки грузов в Гамбург имеют железные дороги. Однако здесь есть препятствие: у нас узкая колея, а у вас широкая. И вот мы придумали такую штуку: почему бы нам с вами в предвидении нового развития торговых связей не проложить широкую железнодорожную колею от Бреста до Гамбурга? Ею могли бы воспользоваться и Польша и ГДР... На днях я поеду в Москву, буду говорить об этом проекте с советскими коллегами...»

«Герр Гертнер у нас слывет человеком с большим воображением,— осторожно добавил начальник гавани,— но его проект в духе времени. Теперь все говорят о больших перспективах в наших экономических связях. Все это благодаря договору, который герр Брандт и герр Шеель подписали в Москве с господином Косыгиным и господином Громыко. Не знаю, как там в Бонне, а здесь, в Гамбурге, все на сто процентов поддерживают этот договор. Ведь мы люди дела, а дело требует хороших отношений с Советским Союзом».

Этот же мотив, хотя и не в столь решительной и определенной форме, звучал и во многих других беседах в Гамбурге. У нас была интересная, хотя временами весьма острая дискуссия в институте экономики и политики «Хауз Риссен»; мы посетили ультрасовременный высотный дом редакции широко известного еженедельника «Дер шпигель» — с бассейном для сотрудников в подвале и коридорами всех цветов радуги — и долго разговаривали с руководящими работниками этого журнала; нас принимал в своем старинном, белоснежном, весьма респектабельном особняке издатель влиятельной газеты «Ди цайт» Буцериус; и как бы резко ни расходились наши позиции и как бы непримиримы ни были наши политические взгляды, всякий раз в конце концов звучал один и тот же рефрен: а все-таки нам надо встречаться чаще, а все-таки нам надо торговать и развивать связи, ведь Гамбург — это Ганза, а Ганза уже в средневековье имела активные связи с вашей страной...

В МАТРОССКОМ КВАРТАЛЕ

Стремясь закрепить наше знакомство, руководители порта пригласили нас напоследок провести вечерок в старинной пивной в матросском квартале Сант-Паули, чтоб мы повидали не только как Гамбург работает, но и как он веселится.

Это был огромный зал, своды которого терялись где-то в вышине, окутанные густыми облаками дыма от глиняных моряцких трубок, сигар и сигарет. На поперечных балках, скрепляющих могучие колонны, красовались лихие надписи: «Смакуй жизнь за кружкой пива», «Слава богу, что в этом ворчливом мире нельзя убить до конца удовольствие», «Не заставляй себя мучиться от жажды — в подвале еще много бочек».

За грубо сколоченными из толстенных досок столами на таких же грубых табуретках сидели тесными компаниями немецкие, английские, голландские моряки; какие-то шалые туристы, занесенные сюда неожиданным ветром; купцы, совершающие сделки за кружкой пива; некие личности весьма подозрительного свойства — при виде таких степенный гамбуржец хватается за карманы; сидели тут и работяги-докеры, заглянувшие сюда после работы. Дородные служанки циркулировали между столами, ухитряясь держать в своих крепких руках по десятку стеклянных кружек, ухватив каждую за ухо.

На деревянном помосте бесновался — именно бесновался, я не подберу другого слова,— баварский духовой оркестр. Такие же упитанные, как и служанки, трубачи в коротеньких замшевых штанишках и тирольских шляпах лихо выводили популярные мелодии. Наши гостеприимные хозяева быстро заразились общим настроением,— они стучали в такт оркестру двухлитровыми кружками по дубовому столу, расплескивая пышную пену, раскачивались, подпевали и вместе со всеми поощрительно кричали: «Вундербар!» («Чудесно!»).

Но вот оркестр заиграл еще громче — это была знаменитая «Розамунда». Все вскочили сначала на табуретки, потом на столы, обхватили друг друга за плечи и начали подпевать. «Вундербар! Вундербар!» — гремело со всех сторон. И в этот момент какой-то японец, видимо, только что заключивший выгодную сделку, выскочил, как чертик из баночки, на сцену, напялил на себя только что приобретенную зеленую тирольскую шляпу, выпросил у дирижера его палочку и начал, комично приплясывая, дирижировать. Его коллеги по делегации — мы видели их утром в респектабельном отеле «Атлантик» — схватили фотоаппараты и бросились снимать своего шефа,— в таком виде, он, надо полагать, представал перед ними не часто.

Долго, очень долго длилось это веселье, мы покинули бар около полуночи, но никто из посетителей еще и не думал расходиться. Над Сант-Паули дул влажный, соленый ветер. Из порта доносился грохот якорных цепей, ревели сиплые пароходные гудки, мельтешили огни. По влажному асфальту шагала, стуча грубыми рабочими башмаками, третья смена докеров.

Гамбург, извечный рабочий Гамбург, жил и трудился, как всегда.

Гамбург — Москва.

ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ЛЕНИНИАНА

Ленинский юбилейный год был отмечен рядом литературоведческих и критических работ, которые подвели итоги развития нашей художественной Ленинианы и на их основе выдвинули перед ней новые, еще не решенные проблемы. К таким работам принадлежит и книга Н. Потапова «Живее всех живых», имеющая подзаголовок «Образ В. И. Ленина в советской драматургии». По существу, это первая монография о драматургической Лениниане. И потому уже сам факт такого «первенства» ко многому обязывал автора, взявшегося за сложную задачу «показать, как складывались и развивались основные принципы драматургического воплощения характера вождя». К чести исследователя, он справился с этой задачей.

Обратившегося к обильному материалу пьес о Ленине или же тех, где Ленин лишь появляется в одной-двух сценах, подстерегала опасность подпасть под желание «воздать всем», что обычно приводит к подмене анализа, проблемного разговора перечислительным обзором. Памятуя об этом и понимая это, Н. Потапов сразу же оговаривает круг пьес, необходимых ему в разговоре о тенденциях, основных направлениях и перспективах драматургии в решении образа Ленина. Отбор этот велся по определенному принципу: выбранные пьесы или «чем-то обогащали сценический портрет вождя, вносили в него свои штрихи, или же весьма показательны своими идейно-художественными недостатками и просчетами».

И разговор о таких пьесах, как трилогия Н. Ф. Погодина, «Вечный источник» Дм. Зорина, «Путь к победе» А. Н. Толстого, «Пролог» и «Между ливнями» А. Штейна, «Человек выше своей судьбы» И. Сельвинского, «Шестое июля» М. Шатрова, «Суровое счастье» В. Михайлова, и некоторых других ведется пристрастно, с полемическим настроением, а иногда и категорично. И потому книга не оставляет равнодушным, вызывая на спор, на полемику, на ответную категоричность. Не со всем можно согласиться у Н. Потапова как в конкретном анализе, так и в общих выводах, но, думаю, каждый сочувственно воспримет сам пафос книги. Я имею в виду стремление автора не просто что-то сбросить с «баланса» литературы и искусства по причине «уцененности» временем, а вскрыть причину этого, обосновать просчеты, предостеречь тем самым от возможных повторов их в будущем.

Достоинством книги является и то, что в разговоре о пьесах Н. Потапов всегда учитывает и «вторую жизнь» каждой из них, которая начинается на подмостках театра или на киноэкране. И потому с интересом читаются страницы, посвященные режиссерским работам Вл. И. Немировича-Данченко и С. Юткевича, актерским удачам Б. Щукина и М. Штрауха.

Написана книга живым, ярким языком. И потому она доступна не только специалистам, но и большинству тех, кто интересуется театром, кино, литературой.

Бор. ЛЕОНОВ

Н. Потапов. Живее всех живых. (Образ В. И. Ленина в советской драматургии). Издательство «Советский писатель».

«ДВИНА»

В марте прошлого года на территории Белоруссии проводились маневры ряда военных округов, в которых приняли участие соединения и части всех родов войск. В тяжелых зимне-весенних условиях личный состав Советских Вооруженных Сил проявил выносливость, воинское мастерство и мужество.

Войсковым маневрам «Двина», проведенным накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 25-летия нашей Победы над фашизмом, посвящен иллюстрированный сборник, недавно выпущенный Воениздатом.

Особый интерес читателей привлекают в сборнике такие материалы, как «По-ленински обучать и воспитывать советских воинов» — из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на разборе войсковых маневров «Двина» 14 марта 1970 года в городе Минске; речь Министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко на смотре войск, участвовавших в маневрах; статья начальника Главного политического управления СА и ВМФ генерала армии А. А. Епишева; беседы военных журналистов с Главнокомандующим Сухопутными войсками генералом армии И. Г. Павловским, с Главнокомандующим Военно-Воздушными Силами маршалом авиации П. С. Кутаховым, с командующим воздушнодесантными войсками генералом армии В. Ф. Маргеловым, и другие.

Авторами книги являются писатели Анатолий Ананьев, Сергей Борзенко и Иван Стаднюк, принимавшие участие в маневрах войск, поэт Сергей Васильев. В ней напечатаны боевые репортажи, статьи, фотографии журналистов «Правды», «Известий», «Красной звезды», «Советской Белоруссии», «Огонька», «Советского воина» и ряда окружных солдатских газет.

Полковник С. БОРЗУНОВ

«Двина». Сборник. Под редакцией генерал-майора В. С. Рябова. Воениздат, М., 1970.

ПРОФИЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА

Очерки Анатолия Медникова отличаются точностью наблюдений и высоким гражданским темпераментом. Их автор наделен чутким и добрым сердцем. Ветеран главной темы нашей литературы — темы рабочего класса, он приходит в цех или в кабинет директора завода не как гость, не как сторонний созерцатель, а как подлинный участник событий, который активно вмешивается в них, стремясь помочь производству своим острым пером публициста.

Многих читателей порадует новая документальная повесть Медникова «Тонкий профиль».

В течение едва ли не пятнадцати лет ездил писатель на один из уральских гигантов — знаменитую «Трубную Магнитку», подолгу жил там и присматривался к быту, характерам людей. И каждое слово в его книге выношено, что называется, выверено на натуре.

Анатолий Медников в нашей литературе — серьезный труженик, поднимающий важные проблемы. Его очерк — всегда произведение высокого класса, потому что он насыщен внутренней драматургией, сюжетен. Писатель не может не видеть, что за производственным конфликтом нередко стоит конфликт нравственный. Прежде чем взяться за перо, Медников долго ищет главное, глубоко вникает в существо дела, потому что без знания дела нельзя судить о людях и об их поступках.

И ему удается справиться с трудной задачей: показать конкретных, реально существующих людей так, что они остаются самими собой и предстают перед нами в живом процессе творческого труда. Сложные характеры воссоздает автор в «Тонком профиле». Это и директор завода, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Яков Павлович Осадчий, и начальник цеха Игорь Михайлович Усачев, и мастер Николай Михайлович Падалко, и сварщик Александр Игнатьевич Гречкин. Новая книга Анатолия Медникова — волнующее слово о рабочем классе.

Александр ТВЕРСКОЙ

Анатолий Медников. Тонкий профиль. Профиздат, 1970.

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Не часто бывает, чтобы у одного писателя почти одновременно выходили две книги разных жанров — поэтическая и прозаическая. Именно так случилось с «Белой невестой» и «Щедростью» Владимира Федорова, недавно появившимися на прилавках книжных магазинов.

В большом однотомнике «Белая невеста» впервые собрана проза писателя. Книга открывается дилогией «Чистый Колодезь» — живым, взволнованным повествованием о людях современной деревни. «Село наше непростое. Другого такого нет на всем свете. На одном конце его называют Чистый Колодезь, а на другом — Чиста Криница... На одном мои односельчане поют «Ревела буря», а на другом — «Реве та стогне». А впрочем, иногда те поют «Реве та стогне», а эти — «Ревела буря»...» Искренняя, доверительная интонация, мягкий юмор, лиризм, наконец, неподдельная влюбленность автора в предмет своего рассказа не могут не подкупить читателя. И то, что родной край — Белогорщина, щедро воспеваемая им, лежит на стыке двух самых крупных советских республик («Когда в России поет петух, на Украине слышно»), рождает особый колорит, живописность и красочность авторского письма.

Вл. Федоров пришел в литературу в шинели солдата. Тема беспримерного подвига советского народа в освободительной битве с фашизмом, военно-патриотическая тема — главная, ведущая в его творчестве.

Но герои Федорова — прежде всего наши современники. Они живут, любят, радуются, страдают, борются в наше быстротекущее, неостановимое и не менее легендарное время. Потому и в «Чистом Колодезе» и в «Вечном огне» тема войны у Федорова звучит намного шире — как тема служения Родине, тема борьбы за чистоту коммунистических идеалов.

И все же эти короткие заметки мне бы хотелось закончить цитатой не из прозы, а из стихов Владимира Федорова. В новой стихотворной книге «Щедрость» он как художник и гражданин по-прежнему чувствует себя ответственным за судьбу своего поколения, своей Родины, всего человечества:

...Где-то там, в горах и парках Вены,
Спят в верных плащ-палатках, не в гробу,
Те, что до смерти были откровенны,—
Друзья, нам завещавшие борьбу.
Ровесники мои, однополчане!
Услышьте голос их из смертной тьмы.
За шум одних и за других молчанье
Перед Россией отвечаем мы.

Валентин МАРЬИНСКИЙ

Владимир Федоров. Белая невеста. Повести и роман. Воениздат, М., 1970.

Щедрость. Лирика, песни. Библиотечка журнала «Советский воин», 1970.

СВИДЕТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Быть свидетелем не просто событий, а самого Времени — такое дано не каждому.

Даниил Федорович Краминов, отмечающий ныне свое шестидесятилетие,— свидетель именно Времени, свидетель умный и наблюдательный, пристрастный, строгий — и доброжелательный.

Совсем еще молодым человеком становится он первоклассным журналистом, избирающим объектом своего исследования Германию. Д. Краминов рассказывал сотням тысяч читателей, как и почему возник фашизм, какую опасность таит он для людей. Молодой журналист рассказывал об этом чудовищном явлении в своих очерках и репортажах, регулярно направляемых в Советский Союз из Стокгольма и с Ближнего Востока, потом, когда разразилась вторая мировая война, из Лондона и с побережья Атлантического океана, где Д. Краминову довелось на протяжении целого года работать военным корреспондентом в войсках англо-американских союзников, и, наконец, из Берлина и Нюрнберга.

Д. Краминов и после войны остается ведущим журналистом-международником. В мире не происходит ни одного важного события без того, чтобы на него тотчас не откликнулось его острое перо. Без всякого преувеличения можно сказать, что зарубежные очерки Д. Краминова всегда отличают четко выраженная идеологическая направленность, боевитость, глубина видения социальных противоречий, сотрясающих мир империализма.

Сплав всех этих качеств придает публицистическим произведениям Д. Краминова особое звучание, а умение автора прослеживать борение страстей политических и человеческих, создавать запоминающиеся характеры, строить сюжеты делает его очерки подлинно художественными произведениями.

Вот почему совсем не случайно обращение Краминова к прозе, где счастливо соединились щедро одаренный и до поры до времени молчавший в нем художник и пламенный публицист с огромным опытом журналистской работы.

Достаточно вспомнить повесть «Пасынки Альбиона» и роман «Амур и черепаха», чтобы воочию увидеть, как нерасторжимо связаны в Д. Краминове мастерство прозаика и боевая идейная направленность публициста.

В заключение хочется сказать: у этого человека, несмотря на весь его весомый вклад в отечественную журналистику и художественную прозу, все еще впереди. Впереди потому, что у времени нет и не может быть ни начала, ни конца, а Д. Краминов — свидетель своего Времени, и ему он принадлежит весь без остатка.

Вл. МЕЖЕНКОВ

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАГРАДА

Недавно было опубликовано постановление Совета Министров РСФСР «О присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры 1970 года». В числе писателей, удостоенных премии имени М. Горького,— Виталий Александрович Закруткин. Премия присуждена ему за повесть «Матерь человеческая», впервые напечатанную в журнале «Огонек» (№№ 38—42 за 1969 год).

ХОККЕЙНЫЕ МОТИВЫ

— Пора на лед, штрафное время давно кончилось.

Рисунок В. Воеводина.

— Шайбу!

Рисунки Ю. Черепанова.

— Не будет толкать на борт...

Выход из трудного положения.

— Вот сколько дров наломали...

ТЕЛЕСПЕКТАКЛЬ «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТИЕ»

То увлекаясь, то вдруг охладевая, создавал Л. Толстой роман «Семейное счастие», вкладывая в сложные духовные отношения героев кусочек своей собственной жизни, своих собственных переживаний — таких, какие они были, какими могли быть...

И вот эта тончайшая поэтическая толстовская проза, которая, как говорил В. П. Боткин, большой друг Толстого и его почитатель, во-первых, имеет «большой внутренний драматический интерес, во-вторых, это превосходный психологический этюд...», появилась на экранах наших телевизоров.

Сохраняя замысел Толстого, превосходно ведет напряженный, драматический монорассказ талантливая актриса Маргарита Терехова. Мы видим ее все время крупным планом; лицом, глазами, мимикой она передает чувства и волнения героини, не «обвиняя» и не «оправдывая» ее, но позволяя угадывать в своей Машеньке очень многое: и стоящую за ней эпоху, и ее круг, и все то прекрасное, что называется человеком, что, отшумев и угаснув, уйдя в небытие, возвращается к нам вечно живым благодаря подлинному искусству.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Машенька — М. Терехова

Фото Б. Воробьева.

●

НА СЦЕНЕ — ЖИЗНЬ ЗАВОДА

В ролях: В. Хохряков, Э. Марцевич, П. Константинов.

Фото И. Ефимова

На сцене — макет многоэтажных корпусов современного завода; сверкающие окна, будто стоглазые свидетели всего происходящего, смотрят вдаль...

Здесь, на этом заводе, прошли долгие годы жизни главного инженера Бориса Елисеевича Малиновского и экономиста Матвея Матвеевича Дюкова. А сейчас молодой инженер — сын Малиновского Елисей пришел на завод начальником цеха и вместе со своими бывшими товарищами по школе отважно начинает переделывать заводской уклад по-новому.

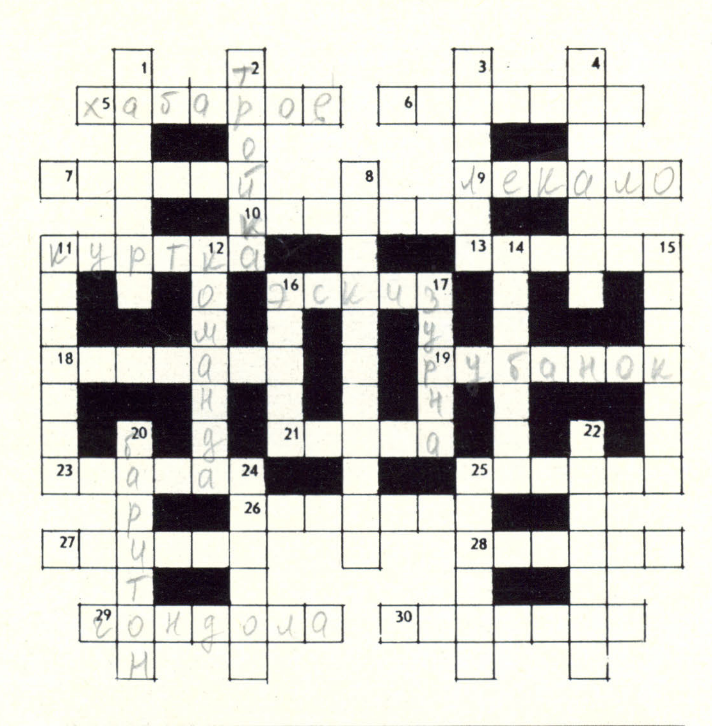
Замыслы молодых широки. Силы неисчерпаемы. Рушатся устаревшие нормы жизни коллектива. Но болезненны эти потрясения для тех, кто хочет жить по старинке, кому милее прошлое. Жалкими и злобными выглядят сейчас эти люди, по лености характера и скудости ума не умеющие понять законы движения вперед, успеть за этим движением...

В пьесе «Инженер» молодого драматурга Елены Каплинской положительные и отрицательные персонажи разграничены очень четко. В Государственном академическом Малом театре, где пьеса недавно поставлена режиссерами В. Бейлисом и В. Ивановым, эта четкая разграниченность бережно сохраняется на протяжении всего спектакля. Симпатии зрителей сразу же прочно приковываются к старшему Малиновскому, чей образ народный артист РСФСР В. Хохряков наделяет большой задушевностью, что не мешает его герою твердо отстаивать свои убеждения. В споре с Дюковым — его выразительно играет народный артист СССР П. Константинов — Малиновский заявляет, что на заводе у них 12 цехов, и будь у него 12 сыновей, он во все цеха поставил бы их начальниками!.. А Дюков твердит свое: что об этом скажут люди!.. Скажут: сына пристроил!.. Поколеблется авторитет руководителя!..

О жизни людей одаренных, влюбленных в производство, принявших от отцов заводскую эстафету, об их борьбе со всем устаревшим театр рассказывает страстно, увлеченно.

В пьесе есть три женские роли, но главная героиня ни разу не появилась на сцене: это мать Елисея. О ней говорит старший Малиновский, говорит коротко, но так, что ее образ возникает в спектакле, как символ любви, символ женского, материнского, подвижнического начала, без которого, может быть, и не было бы этих людей, потомственных тружеников, способных бороться и побеждать.

Н. ЗЫБИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский землепроходец XVII века. 6. Вещество, необходимое для жизнедеятельности организма. 7. Спортивная игра. 9. Фигурная линейка. 10. Танец. 11. Верхняя одежда. 13. Часть света. 16. Предварительный набросок рисунка. 18. Река в Грузии и Азербайджане. 19. Столярный инструмент. 21. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 23. Рыба, способная передвигаться по суше. 25. Ягода. 26. Приток Днепра. 27. Серый медведь. 28. Английский поэт. 29. Венецианская лодка. 30. Шведский астроном и физик.

По вертикали: 1. Сорт хрусталя. 2. Картина В. Г. Перова. 3. Мастерская скульптора. 4. Советский офтальмолог. 8. Город в Кемеровской области. 11. Птица семейства утиных. 12. Экипаж судна. 14. Травянистое декоративное растение. 15. Пустыня в Чили. 16. Остров у западных берегов Италии. 17. Духовой инструмент, распространенный среди народов Кавказа. 20. Мужской голос. 22. Продукт перегонки нефти. 24. Пергамент, свернутый в трубку. 25. Электрический изолированный провод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1.

По горизонтали: 5. «Пролог». 6. Ковров. 9. Аристофан. 10. Буран. 12. «Смена». 14. Ампер. 16. Кресло. 18. Пальма. 19. Еруслан. 22. Неделя. 23. Абадан. 24. Класс. 26. Бухта. 28. Лапта. 29. Котловина. 30. Фланец. 31. Реверс.

По вертикали: 1. Лобан. 2. «Родина». 3. Фосфор. 4. Франс. 7. Эдуард. 8. «Динамо». 11. Ассистент. 13. Мелодрама. 15. Просека. 17. «Олеся». 18. Панда. 20. Чесуча. 21. Барток. 24. Катрен. 25. Свитер. 27. Аксай. 28. Лафет.

На первой странице обложки: Будущие врачи, студенты Туркменского медицинского института Энеджан Халмурадова, Оля Ильясова и Гозель Бекмурадова.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Вратарь Леша Перевощиков (см. в номере очерк «Подарок Мальцева»).

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/XII-70 г. А 00525. Подп. к печ. 5/I-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 206. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3618.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Приз вручен.

В. ВИКТОРОВ,

А. БОЧИНИН

Лучший хоккейный нападающий нынешнего сезона Александр Мальцев написал на своей большой фотографии: «Моему молодому земляку, самому меткому нападающему Кирово-Чепецка»,— и сказал: «Ну, а имя победителя уже на месте напишете. Завидую я вам, так бы и махнул домой. Ну да ладно, передайте привет братишкам. Желаю успеха».

Так началось наше путешествие в «хоккейную Мекку», о которой сами ее обитатели говорят, что она стоит на десяти коробках (так называют в Кирово-Чепецке хоккейные поля).

На одном из этих полей вырос Александр Мальцев и растут теперь два его брата — Анатолий и Сергей и многие-многие такие же азартные, смелые, с детства сроднившиеся с клюшкой чепецкие мальчишки. Это они выиграли у себя дома золотую шайбу 1969-го и теперь готовятся к новому всесоюзному турниру. Вот нам и захотелось познакомиться с ними поближе, рассказать об их делах. А как надо знакомиться с хоккеистами? Ну, конечно, в игре, поэтому мы и решили разыграть среди них импровизированный приз.

Условия соревнования были разработаны уже в пути, в поезде «Вятка», а на следующий день о предстоящем турнире уже знали все мальчишки этого самого большого из всех маленьких спортивных центров страны.

Молниеносно разлетелась весть о нашем приезде по всем семи хоккейным полям домоуправлений и по трем ледяным аренам спортивного клуба «Олимпия». Пока мы совещались у председателя клуба Василия Егоровича Очнева, пока Павел Дернов, инструктор по спортивной работе при домоуправлениях, и тренеры детских команд Александр Никитович Кулябин и Рэм Афанасьевич Корзунин вносили свои предложения, на хоккейных полях уже начались тренировки. Желающих получить подарок оказалось столько, что решено было ограничить число абитуриентов хоккеистами в возрасте 12 и 13 лет, которым предстояла борьба за золотую шайбу 1971-го. Каждый из ребят получал право на пять бросков по воротам, и приз должен был получить тот, кто забросит больше всего шайб.

А пока самые меткие бомбардиры готовились к борьбе, мы познакомились с хоккейными полями. Был мороз градусов пятнадцать, но борта хоккейного ристалища 6-го домоуправления трещали не от стужи, а от азартных бросков. Это были самые настоящие хоккейные борта, сбитые из толстых деревянных щитов, все в оспинах от шайбиных укусов. Весь каток, окруженный многоэтажными ярко освещенными домами, казался ледяным плотом, готовым вот-вот сорваться с причала.

В тот вечер мы побывали и на других хоккейных площадках города, и ни одна из них не пустовала. Да и как она может пустовать, если в Кирово-Чепецке 38 детских команд, если 600 маленьких Мальцевых, Старшиновых, Фирсовых проводят на льду в тренировках все свое свободное от школьных занятий время! У каждого из них одна цель — доказать свое право на место в одной из команд детской спортивной школы, которая работает при спортивном клубе «Олимпия». Здесь все как у больших: и отличная хоккейная экипировка и соревнования. Мы встретили на этих занятиях и десятилетних мальчишек и девятнадцатилетних юношей, а на тренировке команды мастеров, которая участвует в первенстве страны во второй группе класса «А», мы познакомились с пятнадцатилетним Володей Мышкиным, вратарем прославленной команды 6-го домоуправления, выигравшей золотую шайбу, и с двумя братьями Александра Мальцева Сережей и Анатолием. Все они уже тренируются со взрослыми хоккеистами.

На следующий день был разыгран подарок Мальцева-старшего. Двадцать маленьких хоккеистов один за другим штурмовали ворота, в которых стоял тринадцатилетний Алексей Буланов. Надо было видеть, на какой скорости устремлялись к воротам маленькие спортсмены, как смело и точно били они по воротам. Но и Буланов стоял так же твердо, как стоит обычно Коноваленко или Третьяк. Только Васе Паюсову, одному из группы тринадцатилетних, удалось забросить в сетку три шайбы. А вот среди двенадцатилетних оказалось сразу два победителя: Слава Кукин и Сережа Тукмачев. Они тоже забросили по три шайбы.

Но кто же из них троих в таком случае должен получить портрет Александра Мальцева?

— Перебивка, перебивка!— кричали ребята, размахивая клюшками, забыв о морозе и усталости. И вот Рэм Афанасьевич Корзунин назначает перебивку.

Теперь вся команда освободила поле для трех самых метких. Первым начинает борьбу за почетный приз Василий Паюсов, но, увы, из пяти предоставленных булитов ему удается провести только один. Немногим удачливее оказался и Сережа Тукмачев, только две шайбы не смог перехватить бесстрашный Алеша Буланов, а вот со Славой Кукиным, самым маленьким и самым спокойным из трех претендентов, справиться страж ворот не смог. Слава забросил три шайбы и тут же взлетел к небу, подхваченный своими товарищами.

— Ура победителю! — кричали азартно ребята, пластмассовый шлем слетел у него с головы, за ним на льду оказались и боевые рукавицы.— Ура победителю!

Но вот он перед нами, самый меткий нападающий Кирово-Чепецка. Он, оказывается, из того самого 6-го домоуправления, команда которого завоевала золотую шайбу. Мы поздравляем Славу, желаем ему успехов, а тренер приглашает его вечером на главную хоккейную арену города.

— Мы вручим тебе приз перед игрой команды «Олимпия» и ярославского «Торпедо»,— говорит Рэм Афанасьевич...

Много пройдет лет, пока Слава Кукин станет знаменитым нападающим, но никогда не забудет он этого вечера — трибун стадиона, заполненного зрителями, строя хоккеистов-мастеров, которые приветствуют его постукиванием клюшек, и круга почета с портретом Мальцева в руках.

Анатолий и Сергей Мальцевы желают успеха малышам.

На тренировку.

Меткий бросок.

Качают победителя.

Рэм Афанасьевич Корзунин сообщает ребятам условия борьбы за портрет Мальцева.

ПОДАРОК МАЛЬЦЕВА

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.